КОШЕЛЕКЪ,

САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Н. И. НОВИКОВА.

1774.

МОСКВА.
1858.

КОШЕЛЕКЪ,

САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

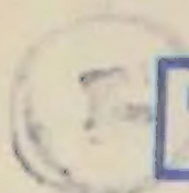
Н. И. НОВИКОВА.

1774.

Изданіе А. Аѳанасьева.

МОСКВА.
Въ типографіи С. Селивановскаго.
1858.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 7 Ноября 1857 года.

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

36559

«Кошелекъ» издавался въ Спб., въ малую осьмушку, листами; всѣхъ листовъ — девять.

А. А.

КОШЕЛЕКЪ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

СОЧИНЕНІЕ

1774 ГОДА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

ОТЕЧЕСТВУ

МОЕМУ

СІЕ СОЧИНЕНІЕ

УСЕРДНО

ПОСВЯЩАЕТСЯ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Двѣ причины побудили меня издавать во свѣтъ сіе слабое твореніе, и посвятить оное Отечеству моему; первая, что я будучи рожденъ и воспитанъ въ нѣдрахъ Отечества, обязанъ оному за сіе служить посильными своими трудами, и любить оное, какъ я и люблю его по врожденному чувствованію и почтенію ко древнимъ великимъ добродѣтелямъ, украшавшимъ нашихъ Пра-

№ 376.

отцевъ, и кои нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ еще и нынѣ осіяваютъ. Я никогда не слѣдовалъ правиламъ тѣхъ людей, кои безо всякаго изслѣдованія внутреннихъ, обольщены будучи нѣкоторыми снаружи блестящими дарованіями иноземцовъ, не только что чужія земли предпочитаютъ своему Отечеству, но еще, ко стыду цѣлой Россіи, и гнушаются своими соотечественниками; и думаютъ, что Россіянинъ долженъ заимствовать у иностранныхъ все, даже и до характира; какъ будто бы природа, устроившая всѣ вещи съ такою премудростію, и надѣлившая всѣ Области свойственными климатамъ ихъ дарованіями и обычаями, столько была несправедлива, что одной Россіи не давъ свой-

ственнаго народу ея характира, опредѣлила ей скитаться по всѣмъ Областямъ и занимать клочками разныхъ народовъ разныя обычаи, что бы изъ сей смѣси составить новый ни какому народу несвойственный характиръ, а еще наипаче Россіянину: выключа только тѣхъ, кои добровольно изъ разумнаго человѣка передѣлываются въ несмысленныхъ обезьянъ, и представляютъ себя на посмѣшище всея Европы. Таковые не только что не видятъ добродѣтелей Россіянамъ природныхъ, но если бы гдѣ оныя съ ними не нарочно и повстрѣчались, то безъ сомнѣнія отвратили бы зрѣніе свое, именуя оныя грубостію и невѣжествомъ. Да сіе и неудивительно: ибо мы уже давно бросили истинные драго-

цѣнные жемчуги, предками нашими любимые, яко недостойные и во Франціи неупотребляемые, а принялись жадно покупать ложные; но я смѣло скажу: еслибы Франція столько имѣла жемчуговъ, сколько имѣла Россія, то никогда бы не стала выдумывать бусовъ: *Нужда и бѣдность мать вымысловъ.* А нынѣ развращеніе во нравахъ учителей нашихъ столь велико, что они и изъясненіе нѣкоторыхъ добродѣтелей совсѣмъ потеряли, и столь далеко умствованіями своими заходятъ, что во адѣ рай свой найти уповаютъ; но о семъ пространнѣе поговоримъ на своемъ мѣстѣ.

Второй причины не захотѣлось мнѣ теперь читателю моему объявить, а раз-

судилось лучше оставить оную до того времени, какъ мы побольше съ нимъ ознакомимся, дабы при первомъ съ нимъ свиданіи обойтися сколько возможно миролюбивѣе.

Впрочемъ долженъ бы я былъ объяснить читателю моему причину избранія заглавію сего журнала, но и сіе теперь оставляю, а впредь усмотритъ онъ сіе изъ *Превращенія Русскаго кошелька во Французской*, которое сочиненьице здѣсь помѣщено будетъ.

На конецъ желаю читателю моему въ жизни сей пользоваться древними Россійскими добродѣтелями, пріобрѣсть тѣ,

которыхъ они не имѣли, и дойти до того, что бы, если не будетъ онъ любить своего Отечества, было ему стыдно. Аминь.

ЛИСТЪ ПЕРВОЙ.

Я недавно былъ въ дружеской бесѣдѣ, гдѣ весьма весело препровождая время въ разговорахъ и разсужденіяхъ, случилось одному изъ пріятелей моихъ вымолвить безъ всякія нужды Французское слово въ Россійскомъ разговорѣ. Сіе подало намъ причину къ разсужденію о семъ злоупотребленіи, вкравшемся въ насъ къ порчѣ Россійскаго нарѣчія. Мы находили, что Россійскій языкъ никогда не дойдетъ до совершенства своего, если въ письменахъ не прекратится употребленіе иностранныхъ словъ; но потомъ срѣтилось новое препятствіе: оное

состояло въ томъ что если въ писменахъ и начнутъ съ крайнею только осторожностію употреблять иностранныя реченія, а будутъ отыскивать коренныя слова Россійскія, и сочинять вновь у насъ не имѣвшихся, по примѣру Нѣмцовъ, то и тогда сіе утвердится не можетъ, если не будетъ такая же строгость наблюдаема и въ обыкновенномъ Россійскомъ разговорѣ. Но что бы разсужденіе сіе какую нибудь принесло пользу, то согласились мы сдѣлать между собою таковое учрежденіе, по силѣ котораго всякой изъ насъ, тогда бывшихъ, за каждое иностранное въ Россійскомъ разговорѣ, безъ крайнія нужды, вымолвленное слово, повиненъ заплатить двадцать пять копѣекъ, а казна сія по про-

шествіи каждаго мѣсяца, должна быть собрана и отослана въ *Воспитательный домъ* въ подаяніе. Но по прошествіи нѣсколькаго времени, усмотрѣли мы, что таковая пеня для нѣкоторыхъ изъ насъ, (кои по привычкѣ иностранныя слова часто употребляютъ,) будетъ отяготительна, то, желая облегчить оныхъ, а учрежденіе сіе оставить въ его силѣ, уменьшили пеню за каждое слово до пяти копѣекъ; а къ тому прибавили, что бы коренныя Россійскія слова, вновь отысканныя или сочиненныя, сообщать для напечатанія къ пользѣ любителей Россійскаго слова.

Сіе, хотя впрочемъ шуточное, но однакожъ отчасти и полезное учрежденіе,

нѣсколькимъ особамъ уже понравилось; ибо неоспоримая есть истинна, что доколѣ будутъ презирать свой отечественный языкъ въ обыкновенномъ разговорѣ, дотолѣ и въ писменахъ не можетъ оный ни до совершенства дойти, ни обогатиться. Скажутъ нѣкоторые, »что не »подобною сей выдумкѣ отечественный »языкъ до совершенства приводить и »обогащать надлѣжитъ; что на сіе есть »особо учрежденныя мѣста, которыя денно»ночно о томъ пекутся, или по ма»лой мѣрѣ печися долженствовали бы; »что три, пять, или десять человѣкъ »молодыхъ людей, и только что охот»никовъ, не болѣе къ собранію ученыхъ, »какъ единица къ тысячѣ; что присту»пать къ сему важному дѣлу надлѣжитъ

»такимъ порядкомъ: нѣсколько лѣтъ ду-
»мать, нѣсколько лѣтъ разсуждать, нѣ-
»сколько лѣтъ дѣлать начертаніе, нѣ-
»сколько лѣтъ разсматривать оный; мно-
»го лѣтъ пріуготовлять вещество, много
»лѣтъ собирать оное, много лѣтъ при-
»водить оное въ порядокъ, много лѣтъ
»дѣлать изъ приведеннаго въ порядокъ
»выписку, много лѣтъ изъ выписки со-
»чинять, а потомъ еще болѣе всего, мно-
»го лѣтъ разсматривать и одобрять оный
»трудъ къ печатанію; что надлежитъ тру-
»дящимся давать много жалованья, покой-
»ныя квартиры, хорошіе столы и прочее,
»дабы все сіе услаждало чувства и при-
»водило отечественный духъ въ сильное
»движеніе; на конецъ что бы казна преж-
»де совершенно потеряла нѣсколько де-

»сятковъ тысячъ рублей, пока Общество »увидитъ нѣсколько десятковъ строкъ »сего важнаго сочиненія въ печать изданныхъ: но что таковое сочиненіе будетъ »похвально, полезно, удивительно, и принесетъ великую честь всему Государству: »подобныя же нашимъ выдумки частныхъ »людей похожи на Русскую пословицу: »*Ходила синица море зажигать: моря не зажгла, а славы много надѣлала.*« Таковымъ я отвѣтствую, что я не съ тѣмъ упомянулъ о семъ издѣвочномъ учрежденіи, что бы симъ способомъ совѣтовалъ приводить языкъ нашъ къ совершенству, а еще менѣе отвѣтствую за успѣхъ оныя выдумки; но ручаюсь за сіе, что сія выдумка Государству не будетъ убыточна, и что если поправит-

ся она многимъ, то симъ способомъ, хотя и мало обогатится языкъ Россійскій, но много присовокупится казна *Воспитательнаго Дома.* Ибо смѣло можно сказать, что во времена *Петра* Великаго, во всей пространной Россіи больше было людей употреблявшихъ въ Россійскомъ разговорѣ иностранныя слова, нежели нынѣ въ одномъ Петербургѣ неупотребляющихъ оныхъ. На конецъ противорѣчущему мнѣ отвѣтствую Русскою же пословицею: *Не сули мнѣ журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки.*

ЛИСТЪ ВТОРЫЙ.

Нѣкогда случилось мнѣ быть свидѣтелемъ весьма странныхъ и любопытства достойныхъ разговоровъ, которые я тогда же пришедъ домой написалъ, а теперь оные сообщаю читателю моему, желая сердечно, что бы оные въ немъ подобное моему произвели впечатлѣніе.

РАЗГОВОРЪ I.

МЕЖДУ

РОССІЯНИНОМЪ И ФРАНЦУЗОМЪ.

Франц. Такъ, Государь мой, я увѣряю васъ, что подобнаго нещастія не-

случалось еще во всю жизнь мою. Сакръдыо! проиграть съ ряда двенадцать робертовъ! Послѣ такого нещастія жить болѣе невозможно — Не правда ли, сударь?

Россіян. Ето правда, что проигрышъ всякому человѣку чувствителенъ, но одному болѣе, другому менѣе: вы въ сей разъ играли нещастливо, но сіе и со многими другими игроками не рѣдко случается; щастіе и нещастіе въ игрѣ попеременно бываетъ: сево дня вы проиграли, завтре можете выиграть. Однакожъ, видя васъ такъ чувствительна къ проигрышу, играть вамъ не совѣтую: ибо хотя и всякій человѣкъ подверженъ житейскимъ претыканіямъ, но тотъ почитается благоразумнѣйшимъ, который больше другаго управляетъ

страстями своими. Благоразумный человѣкъ пріуготовляетъ себя ко проигрышу прежде, пока не начнетъ играть: симъ средствомъ во все время игры сохраняетъ онъ равнодушіе, не разгорячается и никогда того не проигрываетъ, чего не хотѣлъ бы проигрывать, или чего заплатить не можетъ. Чтожъ касается до отчаянія вашего, то, позвольте мнѣ сказать искренно, оно вселяетъ въ меня противныя принятымъ мною о благоразуміи вашемъ мнѣнія. Я не имѣлъ еще времени коротко вызнать свойства сердца вашего; пріятель мой, съ коимъ познакомились вы въ Парижѣ, писалъ ко мнѣ объ васъ много доброва, и просилъ, что бы я оказывалъ вамъ услуги; я и хочу єто исполнить самымъ дѣломъ: ваше обхожденіе мнѣ по-

правилось, я васъ полюбилъ, и вы найдете во мнѣ всегда искренняго вамъ доброхота.

Франц. Ахъ государь мой! вы изъ отчаянія приводите меня во удивленіе. Какая добродѣтель! какое человѣколюбіе! и какое сердце! Сердце ваше есть сердце ангельское. Если бы вся ваша земля населена была подобными сердцами, то можно бы тогда было заключить, что она обитаема вышшими отъ человѣка существами---

Россіян. Если вы побольше узнаете мое Отечество, то сему дѣйствію моему удивляться перестанете. Россіяне всѣ къ добродѣянію склонны. Съ неменьшимъ удовольствіемъ оказываютъ они всякія вспо-

моженія, съ каковымъ другіе пріемлютъ оныя; и сто по мнѣнію моему есть должность человѣческая. Надлѣжитъ дѣлать добро не по принужденію, но по склонности сердца. Предки наши во сто разъ были добродѣтельнѣе насъ, и Земля наша не носила на себѣ исчадій, не имѣющихъ склонности къ добродѣянію и не любящихъ своего Отечества.

Франц. Ахъ, какая блаженная страна! вы, государь мой, въ большее приводите меня удивленіе. Съ сея минуты я забываю мое Отечество; въ Россіи нашелъ я оное. Во Франціи былъ я нещастливъ, а здѣсь, по словамъ вашимъ, уповаю найти блаженство. Попеченія ваши доставятъ мнѣ и женѣ моей приличныя

породѣ нашей мѣста. Если исполнится то, о чемъ вы за меня просили, и въ чемъ васъ обнадежили, то я и жена моя будемъ благополучнѣйшими изъ смертныхъ. Какое удовольствіе научать и воспитывать дѣтей, рожденныхъ съ толь нѣжными и добродѣтельными сердцами! — Но - - - государь мой - - - Нравоученія ваши меня просвѣтили - - - я въ игрѣ весьма горячъ - - - съ сего времени вы не услышите болѣе, что бы я когда нибудь принялся за карты - - - Со всемъ тѣмъ - - - я проигрался — Бѣдная моя жена! увы! какую вѣсть услышать ты должна - - - Я проигрался - - - увы - - -

Россіян. Пожалуйте не отчаявайтесь, етому пособить можно. Если вы проигра-

ли сколько нибудь въ долгъ, и не имѣете чѣмъ заплатить, то на сеи разъ я могу ссудить васъ деньгами. Скажите, сколько вамъ надобно, я тотчасъ вамъ дамъ оныя ---

Франц. О великодушный человѣкъ! Добродѣтель рѣдко имѣющая примѣры въ моемъ Отечествѣ! Иностранному человѣку, незнакомцу, такія благодѣянія оказывать! Позвольте мнѣ, дражайшій другъ, увѣрить васъ, что благодѣянія ваши всегда останутся въ моемъ сердцѣ; что рука оныя творящая всегда будетъ мнѣ любезна, и что я въ нужномъ случаѣ кровь свою пролью со удовольствіемъ, если то нужно будетъ для спасенія моего друга ---

Россіян. Оставьте излишнія увѣренія, малая моя услуга нестоитъ толикой благо-

дарности. Я почитаю васъ честнымъ и благодарнымъ человѣкомъ, слѣдовательно я больше вашева долженъ еще радоваться, что сыскалъ случай обязать васъ любить мое Отечество.—Но скажите мнѣ, сколько надобно вамъ денегъ?

Франц. Я стыжусь --- сто рублей --- Ахъ! какъ мучительно чувствительному человѣку напоминаніе єво преступленій ---

Россіян. Вотъ деньги, извольте ихъ взять. Между тѣмъ разстанусь съ вами на нѣкоторое время: подождите меня здѣсь, я скоро сюда возвращусь.

Франц. Вы меня оставляете! --- Но я льщусь --- ваши одолженія ---

РАЗГОВОРЪ II.

МЕЖДУ

Нѣмцомъ и Французомъ.

Нѣм. Удивительно мнѣ, государь мой, что вы меня не узнали; во время разговора вашего, съ оставившимъ васъ человѣкомъ, я нарочно смотрѣлъ не смѣжая глазъ - - -

Франц. А! любезной пріятель, вы здѣсь? какъ, за чѣмъ, и когда оставили вы Голландію? Разставшись съ вами въ Амстердамѣ, я никогда не уповалъ увидѣться въ Петербургѣ. Что касается до меня, то крайность одна могла принудить меня избрать убѣжище въ семъ городѣ. Родственники мои также безчеловѣчны какъ

и прежде: сіе самое принудило меня пріѣхать сюда съ женою моею, для сысканія приличныхъ мѣстъ нашей породѣ.

Нѣм. А что касается до меня, то пріѣхалъ я въ Петербургъ, первое, что бы увидѣть сію Имперію подъ владѣніемъ Премудрыя ИМПЕРАТРИЦЫ во всей Европѣ славящуюся, а второе, что бы сыскать приличную моему состоянію должность; и если мнѣ здѣсь полюбится, какъ я по началу моей здѣсь бытности и не сомнѣваюсь, то останусь здѣсь на вѣчное житье. Ученому человѣку, какъ говорятъ, цѣлый свѣтъ Отечество. Чтожъ надлежитъ до васъ, то, если вы еще по сію пору мѣстъ не имѣете, я могу возобновить мои вамъ услуги: пріятель мой, ку-

нецъ, имѣетъ нужду въ горничной женщинѣ, жена ваша можетъ заступить оное, по моему одобренію, а вы съ нею будете имѣть компату, для продолженія ремесла, въ Голландіи вами отправляемаго - - -

Франц. Тише, тише, сударь, прошу не предлагать мнѣ подобныхъ услугъ. Въ Голландіи принужденъ я былъ нещастливыми моими обстоятельствами отправлять сію презрительную должность; но я рожденъ не для волосоподвивательной науки. Отецъ мой былъ Королевской Гвардіи Капитанъ, дядя родный Прокуроръ Парламента Парижскаго; я и самъ имѣлъ мѣсто - - - но любовныя мои шалости навлекли на меня гнѣвъ моего дяди; я принужденъ былъ удалиться изъ Отечества, и,

скрывая подлинное свое имя, жить въ Голландіи; на конецъ скажу вамъ, что вы имѣете дѣло съ Шевалье де Мансонжъ. По сему разсудите, прилично ли мнѣ предлагаемое вами ремесло, и должность горничной женщины для моей жены.

Пьм. Ха, ха, ха! что вы передо мною притворяетесь, я знаю вашу родину, вы неболѣе какъ сынъ стряпчаго, отправлявшей по смерти своего отца и во Франціи туже самую должность, какъ отправляли вы въ бытность мою въ Амстердамѣ; какую наклепали вы родню, и на что его? Честному человѣку ни какое состояніе безчестія не приноситъ. Стыдно дѣлать безчестныя дѣла: на противъ того ни какова безчестія не дѣлаетъ низкое состоя-

ніе. Я самъ сынъ деревенскаго попа, обучался въ Университетѣ, и на конецъ удостоенъ Профессорства; и я никогда не вздумаю назваться Барономъ; но оставимъ сто. Скажитежъ мнѣ, г. Кавалеръ, съ какимъ намѣреніемъ вы сюда пріѣхали, и что будете здѣсь дѣлать? Не думаю я, что бы вы пріѣхали сюда проживать только деньги; ибо я увѣренъ, что кошелекъ вашъ въ Петербургѣ не изобильнѣе Амстердамскаго, а тамъ вы, помнится мнѣ, и съ ремесломъ вашимъ, и жены вашей, жили очень бѣдно. — Да, къ стати вспомнилъ я: въ Амстердамѣ у васъ не было жены, развѣ вы здѣсь женились?

Франц. Оставимъ скучные ваши вопросы.—Вы спрашиваете, за чѣмъ я сю-

да пріѣхалъ, я вамъ сто хочу сказать. Мнѣ сказывали, что въ Россіи много сѣрыхъ куропатокъ: я до нихъ великій охотникъ: во Франціи онѣ дороги, такъ я пріѣхалъ сюда ихъ ѣсть. Между нами сказать, въ здѣшней Землѣ Французъ не умретъ отъ голода.—Но еще разъ прошу васъ, оставьте скучные вопросы, что вамъ нужды; въ Амстердамѣ былъ я, а здѣсь я же, да хочу быть другой: помните, что молчаніе первая добродѣтель.

Имл. А я люблю чистосердечіе; будьте увѣрены что я вамъ зла не желаю, но поговоримъ откровеннѣе. Не уже ли думаете вы, что въ Россіи для голодныхъ Французовъ заведены магазейны? Вы обманываетесь, я уповаю, что здѣсь хотя и мно-

го родится хлѣба, однакожъ ево даромъ не даютъ; надлѣжитъ трудиться, что бы достать себѣ честнымъ образомъ пропитаніе. И такъ необходимо надлѣжитъ вамъ приняться за какое нибудь дѣло.

Франц. Да кто вамъ сказалъ, что я хочу здѣсь жить безо всякаго дѣла? Я хочу вступить въ должность, выслушайте, я вамъ разскажу. Въ бытность мою въ Парижѣ познакомился я съ однимъ Россійскимъ путешественникомъ въ трактирѣ; онъ былъ молодъ и вѣтренъ; мы подружились, я ему сыскалъ дѣвку, онъ въ нее влюбился, и проживаетъ свои деньги. Я рѣшился ѣхать въ Россію, сказалъ о томъ ему, онъ мнѣ далъ одобрительныя писма къ одному изъ своихъ друзей. Я сюда прі-

ѣхалъ, нашелъ етого человѣка, съ которымъ видѣли вы меня разговаривающаго: отдалъ ему писма, онъ меня весьма учтиво принялъ, ввелъ меня въ нѣкоторые знатные домы, гдѣ я такъ хорошо принятъ, что и истинный Французскій Маркизъ не желалъ бы лучшаго принятія. Вездѣ меня ласкаютъ, хвалятъ мое остроуміе, обходятся весьма учтиво; словомъ, я почиталъ себя прещастливымъ человѣкомъ; но третьяго дня въ одномъ знатномъ домѣ посадили меня играть въ вистъ; я забылся, что у меня нѣтъ денегъ: щастіе отъ меня отлучилось: я проигралъ сто рублей. Мнѣ повѣрили; заплатить такую сумму я не могъ; и былъ въ крайности потерять на всегда тотъ домъ, въ коемъ я проигралъ; но новый мой

другъ вывелъ меня изъ сего состоянія, давъ деньги на заплату моего проигрыша. Я опомнился, и увидѣлъ, что надобно мнѣ вступить въ какую нибудь должность; я сказалъ о томъ моему другу, онъ за сіе взялся съ охотою: меня берутъ въ учители, жену мою также, и даютъ намъ каждому по 500 рублей, выключая квартиры, стола и корѣты; но я прошу больше, авось либо и то удастся; ибо по случившемуся со мною въ Россіи я всего надѣюсь. Изъ сего усмотришъ, что значитъ Французъ въ Россіи. Ты, любезный мой пріятель, будучи Нѣмецъ, разсуждаешъ истинно по Нѣмецки, что будто безъ трудовъ не можно найти честнаго пропитанія; но я Французъ, слѣдовательно за одни разговоры могу брать столько де-

негъ, что ты, со всѣми своими трудами, ни въ четвертую долю получить не можешь. Суди по моему приключенію, какое щастіе родиться на брегахъ Сены, и имѣть волшебное наименованіе *Француза*, для отворенія дверей во всякомъ мѣстѣ, куда бы я ни похотѣлъ итти. Слово Французъ такъ важно, что въ немъ всѣ замыкаются достоинства.

Продолженіе сихъ разговоровъ будетъ впредь.

ЛИСТЪ ТРЕТІЙ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ

РАЗГОВОРА

МЕЖДУ

Нѣмцомъ и Французомъ.

Нѣм. Очень хорошо, я соглашаюсь на нѣкоторое время вѣрить словамъ вашимъ; но какъ разговариваемъ мы дружески и откровенно, то пожалуйте скажите мнѣ, чему будете вы обучать воспитанниковъ, поручаемыхъ вамъ? Ибо, между нами сказать, вы и сами окромѣ Французскаго языка ничего неразумѣете. Сіи же воспитанники, сказываете вы, знатнаго господина дѣти: то какъ потер-

пятъ учителя ничего незнающаго? Какъ повѣрятъ будущую подпору славнѣйшія Имперіи воспитанію человѣка неизвѣстнаго? Какъ не примѣтятъ, что вы, будучи учителемъ, сами ничего опричь Французскаго языка не знаете: а въ сей наукѣ и всякой Французской сапожникъ не мѣнѣе вашего ученъ. Наконецъ: хотя сіе по существу своему есть самомалѣйшее въ семъ зло; какъ захотятъ ни за что бросать не малую сумму денегъ; да еще и въ такихъ нѣжныхъ обстоятельствахъ? Позвольте сказать откровенно, вы воспитаніемъ своимъ удобнѣе можете развратить, а не исправить сердце юнаго своего воспитанника: сдѣлаете таковымъ, какихъ ко стыду Россіи видѣлъ я довольно проѣзжающихъ мою Отчизну - - -

Франц. Скажитежъ пожалуйте и вы мнѣ, какъ и гдѣ могли вы столько выискать вопросовъ, до моея должности ни мало не касающихся? Какая мнѣ нужда, что они ни за что станутъ бросать свои деньги, лишъ бы я получалъ оныя. Добрыя ли будутъ имѣть склонности воспитанники мои, или худыя, для меня сто все равно, лишъ бы только воспитались они съ любовію ко Французамъ и съ отвращеніемъ отъ своихъ соотечественниковъ, а въ прочемъ какая мнѣ нужда. Глупо дѣлаютъ родители ихъ, что поручаютъ воспитаніе дѣтей своихъ мнѣ; а я напротивъ того дѣлаю очень умно, желая получать деньги даромъ. Наконецъ, скажите мнѣ, государь мой, по какой бы причинѣ я не могъ быть учителемъ?

Развѣ на Французскомъ языкѣ нѣтъ книгъ всякимъ наукамъ обучающихъ? Повѣрьте мнѣ, что ихъ довольно: я закуплю оныя книги, и буду учить моихъ воспитанниковъ и самъ учиться. Ха, ха, ха - - - Не ужели вы почитаете меня дуракомъ, думая, что бы я не сталъ пользоваться толь выгоднымъ случаемъ. За чужую глупость какая мнѣ нужда отвѣтствовать? А что надлежитъ до намѣренія моего, то оное для меня право весьма полезно: выслушайте, я по дружбѣ открою вамъ оное, и если будетъ въ васъ къ тому столько способности, сколько я имѣю, тогда можете вы онымъ пользоваться. Въ должность учителя вступаю я не для того, что бы въ состояніи былъ въ правду учить моихъ воспитанниковъ; но для

того, что бы запастись деньгами, коихъ я теперь не имѣю. Накопя же нѣсколько денегъ, и спознавшись съ молодыми Россійскими господчиками, а особливо съ *полуфранцузиками*, сдѣлаюсь я учителемъ и купцомъ. Начну выписывать Французскія товары: искуство мое будетъ оныя доставлять мнѣ безпошлинно: какія бы предосторожности ни употребляла Таможня, я на всякую ее предосторожность десять имѣю готовыхъ выдумокъ.—Положимъ теперь, что я получилъ уже мои товары: примѣчайте какъ они мнѣ достались дешево; пошлина не плачена, лавки для нихъ я не нанимаю, купецкихъ поборовъ не плачу и никакихъ тягостей ихъ не несу. Посредствомъ знакомства моего съ молодыми людьми, буду я распродавать

товары свои за наличныя деньги; или по малой мѣрѣ буду роздавать ихъ въ долгъ, однакожъ и отъ того убытка я имѣть небуду: ибо по щетамъ начну приписывать цѣну и число товаровъ лишнія, и въ тѣхъ деньгахъ буду брать вексели. По векселямъ деньги вѣрно взысканы будутъ, да еще съ процѣнтами и рекамбіями. Какая мнѣ нужда въ томъ, что посредствомъ обогащенія моего молодые люди разорятьея будутъ? Вѣть они не соотечественники мои; да если бы возможность человѣческая была, такъ бы я и единоземца своего перехитрилъ: Моя философія гласитъ: *обманывай дурака, въ томъ ни грѣха, ни стыда нѣтъ;* но оставимъ ето: довольно сего, что въ пять лѣтъ буду я имѣть нѣсколько тысячь рублей. Съ сими

деньгами возвращусь я въ мое отечество и буду жить благополучнѣйшимъ человѣкомъ. Между тѣмъ, какъ и самая справедливость того требуетъ, буду ругаться орудіями, служившими къ обогащенію моему, какъ людьми разсудка здраваго и просвѣщенія неимѣющими.—Вѣть справедливо во * * * Рускихъ людей почитаютъ еще невѣждами, варварами, или на милость обезьянами. — Гдѣ, кромѣ сущихъ невѣждъ, найти можно такую оплошность, что бы ввѣрить себя человѣку, никогда ему добра нежелающему, и позволить изъ себя все, что бы я ни захотѣлъ, сдѣлать - - -

Нѣм. къ сторонѣ. О какая подлая душа! сердце неблагодарное и измѣнни-

ческое! чудовище недостойное человѣческаго имени! — Однакожъ укрѣплюсь еще. *Къ Французу.* Вы справедливо разсуждаете. Между тѣмъ, пользуясь откровенностію вашею, хочу я свѣдать ваше мнѣніе, о другѣ, сдѣлавшемъ вамъ толико великодушныя одолженія, и котораго добродѣтельное сердце недавно превозносили вы похвалами. Скажите мнѣ искреннѣе ваше о немъ мнѣніе?

Франц. Искреннѣе? — Съ охотою. Искренно сказать, я почитаю его простосердечнымъ, легковѣрнымъ и глупымъ человѣкомъ. - - Какъ повѣрилъ онъ одобренію молодаго шалуна, который оставилъ свое Отечество, для того только, что бы въ чужомъ, шататься по тракти-

рамъ и народнымъ гульбищамъ, и проматывать безразсудно въ Отечествѣ его нажитыя деньги? Какъ вѣрить всѣму мною сказанному о моей породѣ; и наконецъ, какъ не могло прійти ему въ голову, что если бы былъ я, въ самомъ дѣлѣ такого рода, какъ я о себѣ сказывалъ, и имѣлъ бы хотя самомалѣйшій вѣрный доходъ, то поѣхалъ ли бы я изъ своего отечества; и оставя извѣстное, сталъ ли бы я гоняться за неизвѣстнымъ? — Изъ всего сего я вывожу слѣдующее заключеніе, что новый мой другъ ничто иное, какъ добрая махина, которую можно употреблять и въ добрую и въ худую стороны. А сей порокъ я примѣтилъ во многихъ единоземцахъ моего друга: они съ лишкомъ полагаются на честность и не могутъ истины разли-

чить отъ хитрости: но при томъ сіе весьма достойно примѣчанія, что хотя Нѣмецъ и Агличанинъ ихъ не обманываютъ, и обходятся съ ними правдиво и честно, однакожъ они ихъ не любятъ, обычаевъ ихъ не перенимаютъ, и если бы тѣ захотѣли ихъ обманывать, то никогда бы имъ въ обманъ не далися: на противъ того Французу открыта внутренность души и сердца Русскаго человѣка; боится хитростей его, однакожъ всюду его допускаетъ и хочетъ съ нимъ всегда быть неразлучно; видитъ что его обманываетъ но онъ притворяется ему вѣрить; знаетъ, что тотъ его не любитъ; но сей старается обязать его услугами и доброжелательствомъ; понимаетъ, что онъ хочетъ надъ нимъ господствовать и управлять имъ по

своимъ выгодамъ; а сей повинуется и притворяется того не примѣчающимъ: словомъ сказать, обхожденіе Рускаго со Французомъ можно уподобить человѣку порабощенному порокамъ, который иногда чувствуетъ что дѣлаетъ порочное; однакожъ дѣлать онаго не перестаетъ. Вотъ чистосердечное мое мнѣніе, которое вы знать желали.

Нѣм. Послѣднія ваши слова справедливы: но для чегожъ льстите вы въ глаза другу вашему? но что его обманываете и оставляете въ заблужденіи? для чего пользуетесь его слабостьми? Если бы я былъ на мѣстѣ вашемъ, тогда сказалъ бы я ему откровенно въ глаза все то, что вы за глаза говорите. —

Франц. Exe, хе, хе, дорогой мой нѣмецкой философъ, ты забродишъ въ древность; такое великодушіе въ сказкахъ только у насъ описывается: моя философія съ твоею различна. Послушай, всѣ ищутъ философическаго камня, помощію котораго всякіе металлы можно превращать въ золото: — Не правдали? — Знай же дорогой мой проповѣдникъ, что камень сей въ Россіи нашелъ Французъ, и въ своихъ рукахъ его имѣетъ; помощію онаго преобращаю я пороки свои въ добродѣтели, а Русскія добродѣтели въ пороки; или по меньшей мѣрѣ даю онымъ такой видъ; всякое свое слово, всякую хитрость и всякую выдумку превращаю я въ золото; но по нещастію сіи чудеса могу я творить между Рускими, а если бы подобно

и между другими народами удавалося чудесить то давно бы должно было мнѣ Французу поставить кумиръ - - -

Нѣм. Не превозносись, мой другъ, своими преимуществами: они блистаніемъ своимъ подобны гнилушкѣ, въ темнотѣ только ночной блистающей; а на Россійскій оризонтъ давно уже взошло Солнце со Престола своего, всю Россію освѣщающее, и благотвореніями своими, роду Россійскому, отъ сна всѣхъ возбудившее: пользуйся жъ моимъ совѣтомъ, не превозносись такъ много ночною блистательностію наружныхъ твоихъ дарованій, и будь увѣренъ, что разумные Россіяне, окромѣ вертопраховъ, уважаютъ уже не тебя Француза, но языкъ Французскій.

Будь увѣренъ, говорю я тебѣ, *** ты знаешъ Лондонъ: ты меня понимаешъ — я о семъ говорить больше не хочу. Честность и справедливость требуютъ отъ меня, что бы я вывелъ тебя изъ заблужденія, и отдалъ бы справедливость Русскимъ людемъ: выслушай меня терпѣливо. Русскіе люди въ разсужденіи наукъ и художествъ (чемъ вы болѣе всего превозноситься и должны) столькожъ имѣютъ остроты, разума и проницанія, сколько и Французы, но гораздо болѣе имѣютъ твердости, терпѣнія и прилѣжанія; разность же между Французомъ и Русскимъ въ разсужденіи наукъ вся въ томъ состоитъ, что одинъ послѣ другаго гораздо позже принялся за науки. Франція за разспространеніе наукъ и художествъ одолжена

вѣку Людовика XIV; а въ Россіи судьбою предоставлена была сія слава ЕКАТЕРИНѢ Великой, дѣлами своими весь свѣтъ удивляющей. Если посмотрѣть на скорыя успѣхи, каковые Россіяне въ разсужденіи наукъ и художествъ оказали, то должно будетъ заключить, что въ Россіи науки и художества придутъ въ совершенство гораздо въ кратчайшее время, нежели въ какое доведены они были во Франціи. Дай Боже, что бы съ такимъ щастіемъ и успѣхомъ исполнялись всѣ премудрыя намѣренія, Великія ИМПЕРАТРИЦЫ Россійскія, съ какимъ тщаніемъ и трудами Она приводитъ оныя къ исполненію; тогда навѣрное паче и паче возвеличится Россія въ очахъ всея Европы. О когда бы силы человѣческія возмогли, дабы ко про-

свѣщенію Россіянъ возвратить и прежнія ихъ нравы, погубленныя введеніемъ кошельковъ во употребленіе; тогда бы можно было поставить ихъ образцемъ человѣку. Кажется мнѣ, что мудрые древніе Россійскіе Государи, яко бы предчувствовали, что введеніемъ въ Россію Наукъ и Художествъ наидрагоцѣнное Россійское сокровище, нравы, погубятся безвозвратно; и по тому лучше хотѣли подданныхъ своихъ видѣть въ нѣкоторыхъ частяхъ наукъ незнающими, но съ добрыми нравами, людьми добродѣтельными, вѣрными Богу, Государю и Отечеству.—Не возражай мнѣ, что и въ древнія времена Россіяне свои имѣли пороки; я скажу тебѣ въ отвѣтъ, что всѣ народы во всякія времена имѣли особые пороки: прочитай со вниманіемъ

свою исторію, увидишъ тамъ варварства еще болѣе, нежели сколько его было въ Россіи.

Продолженіе сихъ разговоровъ будетъ въ слѣдующемъ листѣ.

ЛИСТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Продолженіе разговора между Нѣмцомъ и Французомъ я изготовилъ было уже къ отсылкѣ въ типографію для печатанія; но удержало меня отъ того полученное мною писмо. Я не смѣлъ утаить сильныхъ выраженій и доказательствъ въ защищеніе моего Француза въ томъ писмѣ находящихся; а при томъ не хотѣлось мнѣ оставить писавшаго ко мнѣ писмо безъ отвѣта, что бы не возмнилъ онъ, что возраженія его справедливыя и опровержены быть немогущія: къ тому въ прибавокъ немалое участіе имѣло и же-

ланіе показать читателю моему, что не злословіе, но любовь къ Отечеству побудила меня издать сіи разговоры, которые писавшему ко мнѣ писмо не понравились. Писмо сего Французскаго защитника писано было Россійскимъ пополамъ со Французскимъ нарѣчіемъ, какъ то обыкновенно у любителей Французскаго языка водится: но я запотребное судилъ Французскимъ реченіямъ быть переведеннымъ на Россійскій языкъ: ибо, симъ обязанъ тѣмъ изъ моихъ читателей, которые Французскаго языка не разумѣютъ; чтожъ касается до любителей сего языка, то они при чтеніи писма сего могутъ оныя отъ себя прибавлять сколько имъ будетъ угодно, а тѣмъ самымъ покажутъ они новую блистательность пылкихъ сво-

ихъ разумовъ. Наконецъ я прошу читателя моего, что бы онъ прочитавъ сіе писмо изволилъ погодить дѣлать заключеніе въ пользу писавшаго оное, до того времени, какъ прочитаетъ мой отвѣтъ. Писмо же мною полученное здѣсь слѣдуетъ.

* * *

ГОСУДАРЬ МОЙ!

Я не знаю кто вы, да и знать сего не хочу, потому что не имѣю въ томъ нужды: довольно сего, вы напечатали разговоръ между Французомъ и Нѣмцомъ; я ево прочиталъ: вы обидили Француза, мнѣ ето не понравилось; я написалъ возраженіе и къ вамъ сіе посылаю: прочитайте, и если при чтеніи незакраснѣете, то можете

его и напечатать, или какъ вамъ угодно; а для меня все ровно, то или другое: вы можете обо мнѣ дѣлать заключенія, какія вамъ будутъ угодны, а я объ васъ уже сдѣлалъ, и мнѣнія своего не перемѣню — Чортъ меня возми! по чести моей я объ васъ сажалѣю. Вы родились въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ великія ваши добродѣтели блистательны быть не могутъ: ваша любовь къ Отечеству и ко древнимъ Россійскимъ добродѣтелямъ ни что иное, какъ, если позволено будетъ сказать, сумазбродство. Пріятель мой! вы поздно родились или не въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы вы мнѣніями своими могли праславиться. Время отъ времени нравы перемѣняются, а съ ними и нравоучительныя правила подвержены такой же перемѣнѣ: ваша древняя любовь

къ Отечеству перемѣнилася на новую любовь къ самому себѣ. Перестаньте по напрасну марать бумагу, нынѣ молодые ребеста всѣ живы, остры, вѣтряны, насмѣшливы, вить они васъ засмѣютъ, со всею вашею древнею къ Отечеству любовію. Вамъ было должно родиться давно давно; то есть, когда древнія Россійскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно; когда Русскіе Цари, въ первой день свадьбы своей волосы клеили медомъ, а на другой день парились въ банѣ вмѣстѣ съ Царицами, и тамъ же обѣдали; когда всѣ науки заключалися въ однихъ святцахъ; когда разныя меды и вино пивали ковшами; когда женилися, не видавъ невѣсты своей въ глаза; когда всѣ добродѣтели замыкалися въ густотѣ бороды; когда за

различное знаменованіе - - - сожигали въ срубахъ, или изъ особливаго благочестія живыхъ закапывали въ землю; словомъ сказать, когда было великое изобиліе всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, кои отъ просвѣщенныхъ людей именуются нынѣ варварствомъ (*) — Тутъ-то бы вы прославились! — Я думаю, что бы вы бѣднымъ Французамъ не дали и Нѣмецкой слободы въ Москвѣ; но всѣхъ бы ихъ выгнали изъ государства, или еще изъ особенной ревности къ - - -, приказали бы

(*) О семъ, если вы любопытства имѣете побольше нашихъ прародителей, которые отъ великихъ своихъ добродѣтелей ни какихъ книгъ не имѣли и не читали, то можете сіе видѣть въ сочиненіи Абеде Ш . . . и другихъ подобныхъ ему безпристрастныхъ писателяхъ о Россіи: но я всѣхъ ихъ не могу упомнить.

всѣхъ ихъ сожечь: то-то бы было славное дѣло! — Но шутки въ сторону: вы, государь мой, весьма смѣшной проповѣдникъ! Проповѣдуете пороки подъ именемъ добродѣтелей и хотите, что бы вамъ вѣрили: скажите мнѣ, въ которомъ ряду продается ета вѣра, что бы вѣрить тому, что мнѣ говорятъ, а не тому что я вижу? Вы стараетесь привлекать людей къ тому, отъ чего съ превеликою трудностію ихъ отторгали: вы конечно худо поняли намѣреніе Жанъ Жака Руссо, съ которымъ онъ утверждалъ свою систиму — Скажите мнѣ, не хочется ли вамъ, что бы путешествіе въ Парижъ, молодыми нашими дворянами предпріемлемое для познанія свѣта и для просвѣщенія своихъ единоземцовъ, запретили? Не желаете ли, что бы науки

въ Россію помощію обращенія со Французами съ великимъ трудомъ введенныя, опять оныя изъ Россіи изогнаны были, вмѣстѣ со Французами? Не тоголи вы ищете, что бы бросили Французское платье претворившее насъ изъ варваровъ въ Европейцовъ? — Здѣсь я разумѣю острую и замысловатую вашу шутку о введеніи въ Россію Французскихъ кошельковъ; и если я не ошибаюсь, то кажется мнѣ, что вы разумѣли здѣсь Французскія кошельки тѣ, кои съ нѣкотораго времени почти всѣ Европейцы начали носить на волосахъ, а подъ именемъ кошелька вы разумѣли все Французское платье вмѣсто стараго Русскаго употребляемое; и если ето такъ, такъ вы великую имѣете причину сожалѣть о старомъ

платьѣ: ибо оно и красиво очень и покойно; въ которомъ платьѣ спишъ, въ томъ можно и въ гости къ женщинамъ ходить --- Ха! ха! Какой вы чудакъ!—По чести, я нахожу васъ весма страннымъ человѣкомъ, и подлинно еще не знаю, притворяетесь ли вы прямымъ Русакомъ, или таковы и въ правду: но знаю только то, что первое ни какой чести вамъ не приноситъ, а послѣднѣе еще и дѣлаетъ васъ смѣшнымъ: но оставимъ ето, а приступимъ къ изысканію тѣхъ добродѣтелей, кои вы прославлять предпріяли; а потомъ къ опровержению вашего несправедливаго о Французахъ мнѣнія.

Прославляя древнія Русскія добродѣтели, вы, кажется мнѣ, не потрудились поискать

о томъ извѣстія въ иностранныхъ о Россіи писателяхъ, но довольствовались, такъ я думаю, утвердиться, на словесныхъ объявленіяхъ старожиловъ, которые говорятъ: *Въ старину-то было хорошо жить; въ старину-то были люди богаты; въ старину-то хлѣбъ родился; въ старину-то были люди умны,* и проч. Если же ето правда, то вы нѣсколько погрѣшили, потому что не всѣ словесныя извѣстія заслуживаютъ вѣроятіе, но надлежитъ основываться на писателяхъ, а писатели о Россіи были иностранные, а наибольшее вѣроятіе, по своему безпристрастію, заслуживающіе суть Французы: о Россійскихъ же историкахъ ни отъ одного Француза слышать мнѣ не случалось: окромѣ одной какой-то книжки

Синопсисъ; да и о той слышалъ я, что ее окромѣ Русскихъ купцовъ, да уѣздныхъ дворянъ ни кто не разумѣетъ. По сему-то примѣтилъ я, что вы въ Россійской исторіи не весьма свѣдущи: но если вамъ угодно, то я могу служить моимъ знаніемъ; а сіе знаніе пріобрѣлъ я отъ путешествія въ Парижъ, отъ чтенія Французскихъ о Россіи писателей и отъ разговоровъ со Французами. Сей народъ такъ прилепленъ къ наукамъ, а наипаче ко словеснымъ, что и объ нашей исторіи прежде насъ потрудились намъ подать понятіе и просвѣтить наше въ томъ невѣжество. Внимайте: Древняя Россія имѣла обитателями своими Скиѳовъ, или разныхъ подъ тѣмъ названіемъ дикихъ народовъ. Исторія не оставила намъ извѣстія ни о нравахъ ихъ,

ниже о добродѣтеляхъ; но повѣствуетъ только, что оный народъ жаденъ былъ ко кроволитію, алченъ ко грабительству, и тому подобное; а сіе все, весьма худое подаетъ мнѣніе о добродѣтеляхъ ихъ, которыя вы превозносите. — Гдѣжъ вы ихъ нашли и какія оныя были? Мы не знаемъ. Можетъ быть особенныя какія нибудь о томъ извѣстія хранятся въ вашей Вивліоѳикѣ (*), но мнѣ объ оныхъ никогда слышать не случалось.

(*) Сіе мудреное слово, (котораго выговорить я не могу, да и написать едва могъ съ великою трудностію,) поставилъ я шутя и нарочно вамъ въ угожденіе: ибо оное слово, сказываютъ, взято изъ глубокой древности, и не знаю кѣмъ-то вытащено на свѣтъ: но вѣдаю то, что оно деретъ уши, также что оно ни Французское, ни Русское; поставлено же оно вмѣсто весьма употребитель-

наго во Франціи и въ Россіи слова *Библіотека*. Библіотеку всѣ знаютъ, а Вивліоѳики никто не разумѣетъ. Сіе разсужденіе слышалъ я недавно отъ одного стихотворца: онъ прибавилъ къ тому, что сія ересь недавно ввелася между писателями Русскими, которыхъ онъ щитаетъ только троихъ во всей пространной Россійской Имперіи: Едакое изобиліе! а у Французовъ есть ихъ по крайней мѣрѣ съ три тысячи — Примѣтьте же сію небольшую разницу между Русскими и Французами, которыхъ вы въ наукахъ почти ровняете: но оставимъ ето. Сей стихотворецъ разсуждалъ, что сія новая въ писменахъ ересь вводится къ порчѣ, а не къ поправленію языка, и что опая Русскому языку совершеннымъ паденіемъ угрожаетъ. Я говорю ето по словамъ его, а не по своему заключенію: ибо по чести могу васъ увѣрить, что я Русскихъ книгъ отъ роду не читывалъ и не имѣю окромѣ сей: Les oeuvres de Mr. Lomonosoff. Сія книга извѣстна подъ названіемъ сочиненій Ломоносовыхъ: но я избѣгая стыда, если бы въ библіотекѣ моей Русскую книгу увидѣли, приказалъ переплетчику заглавіе ее поставить по Французски.

Продолженіе будетъ.

ЛИСТЪ ПЯТЫЙ.

Продолженіе писма.

Когда язычество въ Россіи пало и возникла вѣра христіянская, тогда дикость и грубость во нравахъ Россійскихъ хотя нѣсколько и поуменшились; но въ дополненіе сей убавки родилось и возвысилось суевѣріе до высочайшаго степени. О сихъ временахъ повѣствуетъ исторія, что они блистали не добродѣтельми человѣколюбивыми, но славились войнами междоусобными повсемѣстно, жестокостію, братоубійствомъ, вѣроломствомъ въ договорахъ и коварствомъ въ полученіи сихъ Княжествъ, которыя сколь нималы были,

но пріобрѣтаемы были съ великими опасностьми потерянія жизни. По томъ на сіи раздробленныя Княжества Татары возложили свое иго, и варвары принуждены были покориться сильнѣйшимъ ихъ варварамъ. Въ сіе пространство времени, нѣкоторые иностранные писатели, ни очемъ больше не повѣствуютъ какъ о варварствѣ, невѣжествѣ и ненависти ко просвѣщеннымъ Европейцамъ — Гдѣ же древнія Россійскія добродѣтели, представляемыя вами къ подражанію?—и здѣсь мы ихъ не видимъ. Приступимъ же ко временамъ по исторіи гораздо просвѣщеннѣйшимъ, и поищемъ сихъ добродѣтелей: ибо сія часть исторіи Россійской отъ времени до времени начинаетъ показываться извѣстною по иностраннымъ

писателямъ; потому что многіе иностранцы начали пріѣзжать въ Россію. Царь Иванъ Васильевичъ, коего Французскіе писатели обычно называютъ ...., свергъ съ себя иго Татарское, распространилъ и увеличилъ свое владѣніе, но нравы въ Россіи остались тѣже, и невѣжество въ такой же, какъ и прежде было, силѣ: Ибо бичемъ, ярмомъ и мечемъ нравы никогда не исправляются. Потомъ при слѣдовавшихъ по немъ Царяхъ Россія начала просвѣщаться, и помалу оставлять дикіе нравы; а сіе просвѣщеніе и оставленіе дикости не въ иномъ состояло, какъ только въ томъ, что Россіяне иностранныхъ стали почитать за человѣковъ: — Какое просвѣщеніе! Какая рѣдкая добродѣтель! — Не оную ли вы предлагаете

намъ къ подражанію? Пройдемъ же сколько можно сокращеннѣе всѣхъ сихъ Царей, даже, до Петра Великаго: ибо хотя и многое могъ бы я привесть изъ сихъ временъ къ опроверженію вашего мнѣнія, но уже мнѣ скучилось: довольно сего, что въ сіи времена въ Россіи не было ни одного училища, ни какихъ книгъ кромѣ церковныхъ, и никто изъ Русскихъ не зналъ никакова иностраннова языка; въ сіе-то время происходило все то, о чемъ упомянулъ я въ началѣ моего писма; тогда-то (*) . . . .

. . . .

(*) *Здѣсь я противъ желанія моего принужденъ былъ многое выключить изъ сево писма. Впрочемъ могу читателя моего увѣрить, что находились тутъ самыя смѣшныя клеветы, которыя ненавистникамъ Россіи выдумать захотѣлось.*

Скажите мнѣ, были ли въ Россіи науки и художества, чемъ всѣ просвѣщенные народы славятся? Были ли великіе Полководцы, Министры, Политики, Галант-омы? словомъ сказать, во всѣхъ частяхъ наукъ, художествъ и просвѣщенія были ли великіе люди? — Никакъ. Ежели же и мечтали быть ихъ, то сіе уподобить можно не иному чему, какъ младенцу, взявшему перо въ руки, который хотя и не лѣпо по бумагѣ чертить начинаетъ, однакожъ тому удивляются

. . . .

. . . .

Изъ сего усмотрѣть можете, что и Онъ не съ той стороны принялся за просвѣщеніе нравовъ: ибо Нѣмцы, Голландцы и Агличане никогда бы нравовъ нашихъ

не просвѣтили. Однимъ Французамъ честь сія предоставлена была; а вы осмѣливаетесь поносить сихъ людей, которые достойны всего нашего почтенія, всея довѣренности, всякія благодарности и всякаго возмездія. Одно только обхожденіе со Французами и путешествіе въ Парижъ могло хотя нѣкоторую часть Россіянъ просвѣтить. Безъ Французовъ развѣ могли мы назваться людьми? Умѣли ли мы прежде порядочно одѣться и знали ли всѣ правила нѣжнаго, учтиваго и пріятнаго обхожденія, тонкими вкусами утвержденныя? Безъ нихъ не знали бы мы, что такое танцованье, какъ войти, поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу, и одною сю разныя изъявлять страсти и показывать состояніе души и сердца на-

шего. Если бы не переняли мы отъ Французовъ пріятнаго и вольнаго обхожденія съ женщинами, то могли ли мы безъ сего пріятную вести жизнь. Нынѣ женщинъ въ заперти и подъ покрывалами ихъ лицъ не держатъ: всѣ онѣ наружѣ. Чтожъ бы мы сошедшись въ женское собраніе говорить стали? Развѣ о курахъ да цыплятахъ разговаривать бы стали. Женясь на закрытой покрываломъ и дурно воспитанной дѣвкѣ, развѣ былъ бы я щасливъ? Напротивъ того, нынѣ, я за нѣсколько лѣтъ еще прежде у невѣсты моей могу вызнать все, какъ бы что у нее сокровенно ни было; и никогда иначе не женюсь, развѣ по любви, или по склонности къ деньгамъ. Отъ обхожденія нашего со Французами, переняли мы ихъ

тонкость, живость и гибкость, такъ что я нѣсколько часовъ могу разговаривать съ женщиною, и вѣрно знаю, что ей не будетъ скучно. За всякою дѣвушкою я волочусь и показываюсь страстно влюбленнымъ, а ето не можетъ быть ей противно. Съ женщиною среднихъ лѣтъ я обхожусь вольно, разговариваю о всякихъ шалостяхъ, сказываю о Парижскихъ обычаяхъ, о всякихъ любовныхъ новостяхъ; смѣюсь старымъ Русскимъ обычаямъ, и, нечувствительно могу съ нею провести время. Съ престарѣлою же женщиною говорю, что она еще хороша, что я боюсь быть съ нею на единѣ, дабы не влюбиться: словомъ сказать, я со всякою женщиною найду что говорить, какова бы она состоянія, или какихъ бы лѣтъ

ни была: и могу опричь жены десять имѣть любовницъ и всѣхъ ихъ обманывать; а сто-то и есть душа нашей жизни! Съ Учеными людьми и съ Художниками я также могу разговаривать: ибо имена нѣсколькихъ Французскихъ ученыхъ людей и Художниковъ я могу упомнить наизусть, такъ въ однихъ похвалахъ имъ, могу часа два три провести. Словомъ, помощію обхожденія моего со Французами, я ни чему не учась, сдѣлался ученымъ человѣкомъ, и могу разговаривать и критиковать дѣла военныя, гражданскія и политическія; осмѣивать государственныя учрежденія, и показывая себя все знающимъ, ни чему не удивляться: а таковы-то точно сказываютъ и есть большая часть Французскихъ дворянъ: ибо,

тамъ на все заведенъ порядокъ; учатся мѣщане, праздно живутъ дворяне, торгомъ государство обогащаютъ купцы, разоряютъ оное откупщики, землю пашутъ крестьяне, а ничево неделающіе и пропитанія неимѣющіе пріѣзжаютъ къ намъ купцами, учителями, учеными... Да мы и тѣмъ должны радоваться! Изъ всего сягo, вы легко усмотрѣть можете, что и въ нынѣшнее время просвѣщеніемъ и хорошими нравами блистаютъ только тѣ, кои или путешествовали въ Парижъ, или отъ самыхъ младенческихъ лѣтъ здѣсь обращаются со Французами. — . .

. . . .

Остатокъ сего писма я здѣсь не помѣстилъ; ибо оный ни что иное, какъ повтореніе похвалы Французамъ и по-

смѣяніе Русскимъ. Въ концѣ сего писма, г. мой критикъ забавляется, по его мнѣнію нѣкоторыми глупыми Русскими церемоніями, и утверждаетъ, что во Франціи подобнаго тому никогда не бывало; а заключаетъ писмо свое тѣмъ, что Россія тогда только можетъ называться просвѣщенною, когда Петербургъ сдѣлается Парижемъ, когда Русской языкъ будетъ во всѣхъ иностранныхъ державахъ въ такомъ же употребленіи, какъ Французской; или когда всѣ наши крестьяне будутъ разумѣть по Французски: чему, сей патріотъ, въ свободное отъ чесанія волосовъ время, обѣщается сдѣлать проектъ.

ЛИСТЪ ШЕСТЫЙ.

На прошедшей недѣлѣ получилъ я отъ неизвѣстной особы писмо, съ приложенiемъ сочиненьица, подъ заглавiемъ *Народное игрище.* Въ писмѣ увѣдомляетъ онъ, что по случаю бывъ въ публичномъ Ѳеатрѣ, видѣлъ на ономъ представляемыя де Тушевы и другiя Комедiи: онъ находитъ сiи Комедiи для народа мало полезными; сообщаетъ пространно мнѣнiе свое о Комедiяхъ, каковыя должны представляться на Ѳеатрѣ народномъ, и обѣщаетъ нѣсколько таковыхъ сочинить, что бы сiя народная забава сколько ни будь обращалася въ ихъ пользу. На первой же случай, по мнѣнiю его, должно было сочинить пiесу, которая бы главною своею цѣлiю имѣла народную забаву, для чего проситъ онъ о напечатанiи въ

листахъ моихъ сего *Народнаго Игрища.* Уважая основательность и справедливость его мнѣнія, я рѣшился сдѣлать ему сіе угожденіе; и думаю, что читатели мои за сіе на меня не подосадуютъ. Впрочемъ я бы весьма желалъ, что бы сообщившій ко мнѣ сію піесу устоялъ въ своемъ словѣ, и сочинилъ бы нѣсколько Комедій для народа. Нѣтъ нужды въ томъ, что въ нихъ не будутъ сохранены театральныя правила, лишъ бы замыкалось въ оныхъ нравоученіе, и по чаще представлялисьбы примѣры, къ подражанію народному годные: то есть добрый слуга, честный купецъ, трудолюбивый хлѣбопашецъ, и симъ подобные. Сіе было бы весьма не худо.

Примѣч. Отвѣтъ мой на письмо Защитника Французовъ будетъ помѣщенъ впредь.

НАРОДНОЕ ИГРИЩЕ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Дѣйствующія лица.

ТОЛСТОСУМЪ, дворянинъ.

ТВЕРДОСЛОВЪ, дворянинъ, другъ Толстосумовъ.

Молодый ТОЛСТОСУМЪ, сынъ стараго Толстосума.

АНДРЕЙ, дядька молодаго Толстосума.

ВАСИЛИЙ, слуга молодаго Толстосума.

ГУЛЯЙКО, сынъ управительскій сосѣдскія деревни.

ПЕТРЪ, студентъ, отправляющій должность учителя въ той деревнѣ.

БОРИСЪ }
ГЛѢБЪ } крестьяне той деревни.

КРЕСТЬЯНЕ и КРЕСТЬЯНКИ.

Дѣйствіе происходитъ въ Толстосумовой деревнѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ВАСИЛІЙ одинъ.

Чудеса въ свѣтѣ дѣлаются! Баринъ ли мой былъ не дѣтина, да и тотъ съ пахвей сшибся. Влюбился въ крестьянскую дѣвку, уѣхалъ тихонько отъ отца, покинулъ всѣхъ друзей, дѣлаетъ великія шалости, и всякой день напивается пьянъ для того только, что отецъ етой дѣвки великой пьяница. Сбылася съ нимъ пословица: «Первая чарочка идетъ коломъ, другая лѣтитъ соколомъ, а третья и сама въ ротъ вольется». Комедія ета у насъ началася не больно хорошо; дай Богъ, чтобы конецъ ея былъ по лутче. . . . Вся бѣда

падетъ на меня, . . . но думаю, что севоднишнее игрище сдѣлаетъ конецъ всѣмъ нашимъ дурачествамъ, или онъ ее - - - А! вотъ и дядька его сюда идетъ. . .

ЯВЛЕНІЕ 2.

АНДРЕЙ и ВАСИЛІЙ.

АНДР. Какъ тебѣ не стыдно, Василей, что ты, вмѣсто того что бы молодаго барина уговаривать и воздерживать, стараешся помогать въ его шалостяхъ. Еще бы сколько ни будь можно было тебя извинить, когда бы у насъ былъ не такой помѣщикъ; а ето отецъ, а не господинъ. Я говорю о старомъ баринѣ нашемъ: ты знаешъ какъ онъ насъ содержитъ, сколько до насъ и до крестьянъ милостивъ; я

много разъ видалъ, когда онъ за вину кого изъ нашей братьи наказывалъ, тогда онъ почти плакивалъ. Послѣ етого не должно винить худыхъ помѣщиковъ, по тому, что лихости ихъ мы сами часто бываемъ причиною.

ВАСИЛ. Андрей Тимофѣичъ, ты говоришъ правду, грѣшно не угождать доброму помѣщику. Я самъ всегда старался дѣлать имъ угодное; а что молодой нашъ баринъ уѣхалъ сюда тихонько, такъ въ етомъ не я виноватъ. Разсуди самъ, что мнѣ дѣлать, вить мы не знали, что онъ сюда собрался тихонько отъ отца уѣхать- . . . .

АНД. Да пріѣхавъ сюда не должно было ему угождать въ шалостяхъ: онъ человѣкъ

молодой, полюбилъ ету дѣвку, такъ и шалитъ едакъ. А ты будто ему въ угодность, и самъ всякой день напиваешся; право ето дурно, Василей. Честной слуга, не только что угождать господину, но долженъ иногда представлять ему съ учтивостію о его непорядкахъ. Доброй господинъ никогда за ето не прогнѣвается, а хотя сперва и осердится, такъ ето не на долго: послѣ самъ признается. Я ето много разъ испыталъ, представляя старому барину; и за то-то онъ меня ото всѣхъ отмѣнно и жалуетъ. Едакова господина не скоро найдешъ, Василей!

ВАСИЛ. Ето правда; всѣ мужики нашей деревни то-же говорятъ. Какъ они ево любятъ! а по немъ и молодова барина

также любятъ, хотя онъ имъ ни какова еще добра не сдѣлалъ. Наши крестьяне, какъ будто не крестьяне: всѣ граматеи; а въ иномъ селѣ и попъ граматы-та не смыслитъ.

АНД. Да, Василей, старой баринъ нарочно нанялъ етова студента, что бы крестьянскихъ ребятъ всѣхъ обучить грамотѣ: ето милость господская. Смотря на нашихъ крестьянъ сердце не нарадуется, какъ они зажиточны: а ето отъ того, что баринъ умѣлъ ихъ пріохотить ко трудамъ. Ежели у доброва помѣщика крестьянинъ бѣденъ, такъ онъ на себя долженъ пѣнять: либо онъ лѣнивецъ, или пьяница. У насъ во всей деревнѣ опричѣ Ѳедула, отца той дѣвки, ни одного пьяницы нѣтъ; а изъ дворовыхъ людей, не

осердись Василей, только ты одинъ. Кабы ты по меньше пилъ, такъ бы уже давно былъ гдѣ ни будь приказчикомъ. Ты малой проворной, не глупой, услужливой, и баринъ тебя жалуетъ, да ты самъ виноватъ - - - -.

ВАСИЛ. Ето правда, Андрей Тимофѣичъ, что меня одно вино губитъ: покуда ни одной чарки не выпилъ, такъ ево хоть бы и вѣкъ не было, а какъ выпилъ одну, то ужъ и пропалъ: сколько ни подноси, такъ не откажусь; да еще и самъ попрошу, коли рѣдко подносить будутъ. Хорошо еще, что я во хмѣлю-то угожъ.... (помолчавъ) Андрей Тимофѣичъ! ты меня пристыдилъ: право я перестану пить, севодишшней день послѣдней - - - -.

АНД. Охотники до вина всегда такъ говорятъ: севодни въ послѣдней разъ напьюсь. Право, Василей, послушайся меня, перестань пить, ето для тебя же худо: а одинъ день куда нейдетъ. Но оставимъ ето, а поговоримъ о другомъ: я на твою скромность надѣюсь: не сказывай ни о чемъ молодому барину, что ты отъ меня услышишъ, ето для его же пользы. Третьяго дня я писалъ о всемъ ко старому барину, онъ сюда прiѣдетъ скоро: ежели не сегодня, такъ завтра конечно будетъ. Когда же ты молодому барину объ етомъ проболтаешся, такъ я боюсь, что бы не сдѣлалъ онъ чево ни будь и хуже етого: надобно быть скромну - - - -.

ВАСИ. Пожалуй изволь: молчать-то мнѣ не учиться; но я думаю, что они скоро

встанутъ изъ застола: пойти было туда, не ровно чево спросятъ - - - А, слышишъ ли, они идутъ. Подгуляли ужъ - - -.

АНДР. Оставайся же ты здѣсь; а я пойду, и теперь ему не покажусь. *Уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ 3.

МОЛОДОЙ ТОЛСТОСУМЪ, ГУЛЯЙКО *съ балалайкою,* ПЕТРЪ и ВАСИЛЕЙ.

ГУЛЯЙКО *играетъ на балалайкѣ, и поетъ пѣсню:* Подпили пили двѣ невѣстушки, подвеселились двѣ голубушки, и проч.

ПЕТРЪ. Перестань, перестань, ета пѣсня не хороша; лучше по рюмкѣ вина выпить - -.

М. ТОЛСТОС. И впрямъ такъ; Василей, подай намъ вино и рюмки.

ВАС. Полно, сударь, вы и такъ уже подгуляли.

М. ТОЛСТОС. Ето правда: но ты за чѣмъ отъ насъ ушолъ?

ВАС. Я еще не обѣдалъ, сударь - - -.

М. ТОЛСТОС. Такъ поди же да обѣдай скорѣе.

ВАС. Слышу, сударь.

ПЕТРЪ. Только не напиваііся пьянъ. Пьянство всего хуже. . .

ВАС. Ето видно по васъ, господинъ учитель. *Уходитъ*.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣжъ, безъ ВАСИЛЬЯ.

М. ТОЛСТОС. Мы уже очень подгуляли, а онъ еще не обѣдалъ, такъ надобно и ему дать время. Батюшка научилъ меня имѣть къ нимъ сожалѣніе: мы можемъ подождать, пока онъ отобѣдаетъ. . .

ПЕТРЪ. Вашъ батюшка честной и милостивой человѣкъ: и я по милости сво

имѣю пропитаніе, а безъ того, Богъ знаетъ, куда бы я попалъ.

ГУЛЯЙКО. Во всемъ нашемъ околодкѣ нѣтъ подобнаго ему помѣщика: всѣ его хвалятъ, и желаютъ ему долгіе вѣки . . .

М. ТОЛСТОС. Мнѣ весьма пріятно слышать похвалы моему батюшкѣ. *Къ сторонѣ.* Какъ мучительно мнѣ, что я одинъ милостей его недостоинъ! Но чтожъ дѣлать! Любовь етому прічиною. Постараюсь - - -. Василей! Василей!

ПЕТРЪ. Едакой пьяница, онъ одинъ такъ потягиваетъ винцо - - -

ЯВЛЕНІЕ 5.

ТѢжъ и ВАСИЛЕЙ.

ВАСИ. Вы изволили спрашивать вина, вотъ оно; но не изволите ли лутче отдо-

хнуть: вить вы хотѣли севодня сдѣлать игрище - - -

М. ТОЛСТОС. Василей говоритъ правду: ступайте, отдохните, а я тотчасъ за вами пойду; а къ вечеру соберемся на игрище.

Гуляйко и Петръ *кланяются и уходятъ.*

ЯВЛЕНІЕ 6.

Молодой ТОЛСТОСУМЪ и ВАСИЛЕЙ.

ВАС. Подите же, сударь, да усните.

ЛИСТЪ СЕДМЫЙ.

Продолженіе.

М. ТОЛСТОС. Нѣтъ, Василей, я пойду посмотрѣть мою красавицу, поговорю съ нею, поцалую и . . .

ВАС. Опомнитесь, сударь, что вы хотите дѣлать. Она теперь съ отцомъ и съ матерью; да хотя бы вы и одну ее нашли, такъ и то было бы безполезно: она выродокъ изъ крестьянскихъ дѣвокъ: съ нею надобно любиться по дворянски; годъ воздыхать, два руку цѣловать, три услуживать, а тамъ если уже удастся . . .

М. ТОЛСТОС. Полно врать! - - -. Скажи мнѣ правду, Василей, вить она хороша?

ВАС. Не только что хороша, да и очень хороша сударь.

М. ТОЛСТОС. Ахъ, какъ она хороша!- - - Василей, возми эту бутылку вина себѣ- - .

ВАС. Она, сударь, красавица, пытай кабы да нарядить ее, такъ, какъ одѣваются городскія щеголихи, такъ вить она бы ангеломъ показалась- - - .

М: ТОЛСТОС. А ежели хочешъ, Василей, такъ возми себѣ двѣ бутылки.

ВАС. Я по милости вашей и одною буду доволенъ: а вы сударь лягте да усните.

М. ТОЛСТОС. Я усну здѣсь въ креслахъ. *Садится, поетъ пѣсню,* Не сонъ ли мою головушку клонитъ, не дремаль валитъ; *и по томъ засыпаетъ.*

ВАС. *Увидѣвъ, что молодой Толстосумъ засыпаетъ, отодвигаетъ по легоньку кресла и говоритъ:* Почивай съ Богомъ! *Послѣ беретъ стулъ и столикъ и ставитъ на средину Θеатра; на столикъ ставитъ бутылку съ виномъ и рюмку, а самъ прохаживается нѣсколько въ задумчивости, а по томъ говоритъ:*

Дѣло наше идетъ хорошо хорошо, да дурно. Пьемъ по мастерски, гуляемъ хорошо, веселимся какъ надобно; ну, да какъ въ сто время пріѣдетъ старой баринъ, такъ я и пропалъ. Какъ онъ до насъ ни милостивъ, только спинѣ моей за сто отвѣчать будетъ: и мнѣ послѣ стова гулянья такое будетъ похмелье, что и въ годъ незабудешъ. Правду говоритъ Андрей, что пьян-

ство хуже всево... Ну, да чтожъ дѣлать? Я ему обѣщался перестать пить: и впрямъ вить ето дурно---. Какъ перестану пить, такъ и я буду приказчикомъ.... одно лутче другова: а приказчику пьянствовать негодится: и за крестьянами смотрѣть будетъ нѣкогда---. Право перестану пить---. *Взглянувъ на бутылку:* Ету бутылку пожаловалъ мнѣ самъ господинъ, такъ ее не грѣшно выпить--- Ну, быть такъ----- чему быть, того неминовать--- напьюсь въ послѣдній разъ. *Подходитъ ко столу и говоритъ какъ будто бы былъ самдругъ:* Василей Кадратьевичъ, пожалуй садись безъ чиновъ, я подчивать не люблю--- Со всею охотою, государь мой, я и самъ люблю попросту обходиться. *Садится.* Ето очень хорошо: въ деревнѣ какіе чины. Пожалуйка налей

рюмку --- Со всею охотою: *Наливаетъ.* Вы налили, такъ вамъ и выпить должно --- А! нѣтъ, я етова не сдѣлаю: вы хозяинъ, такъ вы прежде должны выпить. --- Опять пошли чины: Ну нутъ я выпью безъ чиновъ: ваше здоровье. *Выпиваетъ, по томъ наливаетъ другую и говоритъ:* Выпейте же и вы: --- Со всею охотою: покорно благодарствую. *Выпиваетъ за другова; по томъ наливаетъ еще и говоритъ:* А, вы человѣкъ благодарной; я люблю благодарныхъ. Выпьемъ же за здоровье благодарныхъ людей: *Выпиваетъ двѣ рюмки, одну за себя, а другую за другаго.* Надобно выпить за ваше здоровье, Василей Кондратьевичъ, для того, что вы не находитесь въ числѣ благодарныхъ людей: я ето говорю по то-

му, что вы позабыли выпить за здоровье своей любовницы - - - Я только теперь хотѣлъ ето сдѣлать: вы увидите, что я имѣю благодарное сердце: *Наливаетъ, а по томъ говоритъ:* Здравствуй моя красавица и со мною: *выпиваетъ:* только что бы не было между нами третьяго. Да полно што нужды, ежели она и другова полюбитъ? Я не ревнивъ - - - А! выпить было за здоровье ревнивыхъ: *Наливаетъ и выпиваетъ:* Вся бѣда только въ етомъ: *показываетъ пальцами рога:* а рогоносцы прекрасныя твари! - - - Выпить было и за ихъ здоровье: *выпиваетъ.* Рогоносцевъ называютъ дураками, только ето несправедливо; въ прочемъ состояніе дурака гораздо спокойнѣе рогоносцева, только я ни рогоносцемъ, ни дуракомъ быть

не хочу - - - Однакожъ, Василій, можно и за нихъ здоровье выпить - - - Съ превеликою охотою, *выпиваетъ.* И безъ дураковъ не льзя обойтися: они ни что иное, какъ осселокъ, на которой пробуютъ умныхъ. - - - Ба, ба, ба, а за здоровье умныхъ, я и позабылъ было выпить: *наливаетъ и говоритъ:* Здравствуйте всѣ разумные люди: *выпиваетъ, по томъ наливаетъ еще, и увидѣвъ что въ бутылкѣ ничево не осталось, смотритъ на рюмку и говоритъ,* Сироточка, ты одна осталась: о я до сиротъ очень жалостливъ: не плачь дурочка, я и тебя къ тѣмъ отпущу: *поетъ пѣсню.* Чарочка катокъ, покатися въ ротокъ; *а по томъ выпиваетъ.* Ну, вотъ такъ то, поди погуляй тамъ. *Взявши бутылку говоритъ:* Бутылка безъ вина,

какъ тѣло безъ души: *бросаетъ ее и говоритъ:* О! подцѣкъ къ черту, я мертвыхъ боюсь. *Встаетъ прохаживается и говоритъ:* Теперь я опять задумался - - - Едакой страмецъ. - - - скушно стало; ну инъ выпей еще - - - .

ЯВЛЕНІЕ 7.

Тѣжъ и ГЛѢБЪ

ГЛѢБЪ. *Чешетъ голову и говоритъ:* Здравствуй ста Василей Кандратьевичъ?

ВАС. Здорово, Глѣбъ. Хорошо што ты самъ пришолъ: баринъ приказалъ севодни собрать крестьянъ и крестьянокъ на игрище: онъ хочетъ повеселиться; такъ

смотри же ты, собери такихъ, которые умѣютъ пѣсни пѣть и плясать.

ГЛѢ. Ладно-ста, я теперь только съ улицы, такъ пойду, и всѣхъ оттолѣ приведу.

ВАСИ. Ступай же поскорѣе, а я приготовлю чемъ васъ подчивать.

ГЛѢ. А мы васъ повеселимъ, вить и у насъ въ деревнѣ есть удалые головы.

ВАСИ. То-то намъ и надобно.

ГЛѢ. А коли-ста прикажешъ, такъ и комедь сломаемъ. . . .

ВАСИ. Какую?

ГЛѢ. Такую же ста, какъ и въ Питерѣ играютъ въ Кураселн: куда парень тамъ

сколько народу собирается, што и видима съ невидимымъ. -- Да, правда, что и есть чево смотрѣть: такъ мудрено говорятъ, што и Боже упаси. . . .

ВАСИ. Такія комедіи для насъ не годятся; мы гораздо лучше сдѣлаемъ, когда соберемъ игрище: вамъ веселѣе будетъ, а намъ пріятнѣе. Побѣгай же поскорѣе.

ГЛѢ. Прощай-ста Кандратычъ. *Уходитъ.*

ЯВЛЕНІЕ 8.

Молодой ТОЛСТОСУМЪ и ВАСИЛЕЙ.

ВАСИЛЕЙ. *посмотрѣвъ на барина, говоритъ:* Еще таки спитъ. *Запѣть было*

пѣсню, авось либо онъ проснется: Поетъ пѣсню: Головаль ты моя головушка, и проч.

ТОЛСТОСУМЪ *просыпается, потягивается, смотритъ и говоритъ:* Ето ты поешъ, Василей; а я думалъ, что собрались на игрище.

ВАСИ. Скоро и они будутъ, сударь. Ежели прикажете, такъ я пойду и все изготовлю?

ТОЛСТОС. Ступай, ступай, и приготовь все, да поскорѣе.

ВАСИ. Тотчасъ, сударь.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ 9.

ТОЛСТОСУМЪ одинъ.

Голова очень болитъ. . . . а все ето отъ вина: *Вздохнувши:* Чтожъ дѣлать? Дурачества много надѣлалъ, и не знаю чемъ оно кончится; а знаю только то, что если я женюсь на моей красавицѣ, то батюшко етого никогда мнѣ не проститъ. Если бы не принуждалъ онъ меня жениться на дочерѣ *Твердословової*, то можетъ быть, что бы и я етого не сдѣлалъ. Принужденіе часто заставляетъ прибѣгать къ крайности. . . . . .

ЯВЛЕНІЕ 10.

ТОЛСТОСУМЪ, ПЕТРЪ и ГУЛЯЙКО.

ПЕТРЪ. Мы уже сюда пришли; а крестьяне и крестьянки идутъ и поютъ пѣсни.

ТОЛСТОС. Очень хорошо: садитесь.

ЯВЛЕНІЕ 11.

Тѣжъ и ВАСИЛЕЙ вбѣгаетъ.

ВАС. Еще не началось игрище? Слава Богу! Я сударь нарочно сюда прибѣжалъ, ... уфъ! . . . сказать вамъ. . .

ТОЛСТОС. Да что такое сдѣлалось?

АС. Пріѣхали къ намъ въ деревню два весельчака, которые и сюда скоро будутъ, такъ небудетъ ли какой отмѣны. . . .

ТОЛСТОС. Какой быть отмѣнѣ: да кто это пріѣхалъ? Конечно кто нибудь изъ сосѣдей?

ВАС. Нѣтъ, сударь, не сосѣди: Батюшка вашъ пріѣхалъ и съ нимъ *Твердословъ!* .....

ТОЛСТОС. Батюшка! . . . и съ нимъ *Твердословъ!* . . . боязнь.. стыдъ... что мнѣ дѣлать?

ВАС. Примите ихъ, сударь, хорошенько; а я побѣгу и прикажу прибрать корѣту и лошадей: Батюшкѣ весьма пріятно будетъ видѣть, что мы и безъ него домомъ жить умѣемъ. *Хочетъ уйти.*

ТОЛСТОС. Останься здѣсь.

ВАС. Я тотчасъ возвращусь. . . .

ТОЛСТОС. Будь здѣсь.

ВАСН. У меня въ животѣ рѣзъ. . . . . я. . . *Увидѣвъ, что старой Толстосумъ входитъ, говоритъ:* Вотъ то-то будетъ игрище!

ЛИСТЪ ОСМЫЙ.

Продолженіе.

ЯВЛЕНІЕ 12.

Тѣжъ, старой ТОЛСТОСУМЪ, ТВЕРДОСЛОВЪ и АНДРЕЙ.

Старой ТОЛСТО. *къ Андрею.* Я ихъ постращаю прежде, а потомъ. . . *Увидѣвъ Василья.* А ты здѣсь мошенникъ! Я нарочно пріѣхалъ въ деревню, чтобъ поблагодарить тебя сею палкою— Да гдѣ же сынъ мой?

ВАСИ. Я, сударь, никакой благодарности отъ вась не требую; я и такъ милостію вашею доволенъ.

Стар. ТОЛС. *увидѣвъ сына.* А недостойной сынъ! такъ ли ты платишъ за мои о тебѣ попеченія ? . . . .

Мол. ТОЛСТО. *становится на колѣни.* Батюшка, я сдѣлался недостойнымъ вашихъ милостей; но выслушайте терпѣливо: вы хотѣли женить меня на дочери Г. *Твердослова*, а я давно уже влюбленъ въ другую и ни на какой другой женится не могу. Батюшка, я предъ вами сдѣлалъ преступленіе, уѣхалъ отъ васъ тайно. . . и. . . я. . . не хочу отъ васъ скрывать. . . я завтре хотѣлъ жениться. . . .

Стар. ТОЛСТ. На комъ?

Мол. ТОЛСТ. На крестьянской дѣвкѣ

Стар. ТОЛСТ. Какъ? на крестьянской дѣвкѣ? *къ Твердослову тихо.* Онъ не знаетъ еще того, что ета крестьянская дѣвка, назначенная мною ему невѣста; но я еще его постращаю. *Къ молодому Тол-*

стосуму въ слухъ: А на дочерѣ Г. *Твердослова* жениться не хочешь?

Мол. ТОЛСТ. Ничто меня къ тому принудить не можетъ!

Старой Толстосумъ и Твердословъ смѣются, потомъ Твердословъ говоритъ тихо старому Толстосуму.

Не мучте его и откройте ему тайну.

Мол. ТОЛСТ. Батюшка, вы знаете сколько я всегда соотвѣтствовалъ вашимъ о мнѣ попеченіямъ, я всегда старался дѣлать вамъ угодное, но теперь жестокость страсти моей, дѣлаетъ меня ослушнымъ вашимъ приказаніямъ. Я. . . все. . . батюшка, не будьте причиною моей смерти. . . отчаянной человѣкъ все. . .

Стар. ТОЛСТ. *заплакавъ перерываетъ.* Добро, добро, не мучься и успокойся. Власова дочь не иная кто, какъ дочь Г. *Твердослова* моего друга и назначенная мною тебѣ невѣста.

Мол. ТОЛСТ. Батюшка, батюшка! вы меня воскрешаете. *Цѣлуетъ у обоихъ стариковъ руки.* Отъ сего времени вы оба будете имѣть во мнѣ послушнѣйшаго сына. . . Я побѣгу къ ней и раскажу мое щастіе. . . но я еще сему не вѣрю. Батюшка, объясните мнѣ сіе щастливое для меня приключеніе. . .

Стар. ТОЛСТ. Я удовольствую твое желаніе, но здѣсь не мѣсто о томъ говорить. Пойдемъ-те въ садъ, она тамъ. мы не хотимъ помѣшать назначенному

тобою веселію; но я хочу, чтобъ и всѣ здѣсь бывшіе были участниками нашей радости. *Къ Андрею:* Теперь уже ненадобенъ дядька моему сыну: я твоею службою во все время былъ доволенъ, а послѣдней твой поступокъ еще и больше обязываетъ меня въ твою пользу. Я опредѣляю тебя управителемъ въ здѣшнюю и въ окружныя оной деревни. Живи спокойно, будь мнѣ вѣренъ и радѣтеленъ какъ ты и былъ по сіе время таковымъ, а на содержаніе твое я опредѣляю по сту рублей въ годъ жалованья, опричь хлѣба и прочаго запасу. По какъ ты уже становишся слабъ, то для облегченія трудовъ твоихъ даю тебѣ въ помощники Василья, съ тѣмъ, что бы ты его воздержалъ отъ вина.

АНДР. *кланяется.* Милости ваши превышают мои заслуги: но я всѣ силы мои употреблю сдѣлаться оныхъ достойнымъ; объ Васильѣ же, сударь, смѣю васъ увѣрить, что онъ исправится отъ сего порока, а въ прочемъ онъ всегда былъ вамъ вѣренъ. Онъ мнѣ уже и обѣщался что съ завтре . . .

ВАСИ. *кланяется.* Съ сегоднишняго же дни ни кто не увидитъ меня пьянаго: ваши милости произвели во мнѣ отвращеніе къ сему пороку. *Къ зрителямъ.* Слава богу, какъ гора съ плечь свалила! По худому началу, я не ожидалъ такова конца.

КОНЕЦЪ.

Господинъ сочинитель Кошелька!

Мнѣ захотѣлось сдѣлать небольшій подарочекъ въ вашъ кошелекъ. Если онъ будетъ вамъ угоденъ, то прошу его принять и сдѣлать изъ него употребленіе, чемъ одолжите приславшаго оный: подарокъ здѣсь слѣдуетъ; а я остаюсь

Вашимъ слугою***

P. S. Не подумайте, что бы ето было вымышленное писмо: нѣтъ, оно подлинное, и ошибкою въ мои руки попавшее: которое я прочитавъ, нашелъ оное достойнымъ перевода и сообщенія къ вамъ для напечатанія. Пусть земляки наши прочтутъ

оное и полюбуются, пріѣзжимъ Кавалеромъ.

* * *

Изъ Марселіи отъ 25 Іюня 1774 года.

ЛЮБЕЗНЫЙ СЫНЪ!

На конецъ, получа твое писмо, мой любезный сынъ, возвратилась ко мнѣ надежда, которой приближавшеюся старостію я на всегда лишался. Ты находишся въ Петербургѣ, ты Французъ, ты мой сынъ, ты всегда любилъ меня: послѣ всего етаго я не умру отъ голода. Когда былъ я въ силахъ, тогда руки мои доставляли пропитаніе мнѣ, твоей матери и тебѣ; но

когда силы мои оставили меня, когда ремесло мое стало безполезно, и когда не имѣю я куска хлѣба, тогда ты долженъ пропитать мою старость. Безъ сомнѣнія ты уже нашелъ въ Петербургѣ прибыточное мѣсто и имѣешъ деньги, раздѣли же ихъ, любезный сынъ мой, съ отцемъ твоимъ: пришли мнѣ, сколько можешъ; а я тебѣ изъ Марселіи ни чего инаго прислать не могу, кромѣ желанія, что бы ты поскорѣе разбогатѣлъ и ко мнѣ возвратился; ты требовалъ, что бы я прислалъ тебѣ отсюду дворянской паспортъ, но я не могъ достать онаго; и съ превеликою трудностію получилъ мѣщанской: непорядочная твоя въ молодости жизнь тому пріичиною. Сверхъ того, если бы я имѣлъ деньги, то безъ всякаго сомнѣнія по-

лучилъ бы я паспортъ дворянской: но я оныхъ и для пропитанія моего не имѣю! Разсуди же самъ, что мнѣ оставалось сдѣлать. Я сторговалъ было паспортъ послѣ одного бѣднаго капитана, умершаго скоропостижно, но немогши достать денегъ, упустилъ оный; а купилъ его сынъ нашего сосѣда, бочара, и съ онымъ отправился въ Петербургъ, что бы вступить въ военную службу. Но тебѣ, любезный сынъ, я не совѣтую вступать въ военную службу, береги жизнь свою, для сохраненія жизни престарѣлаго твоего отца: ты находишся теперь въ такой землѣ, которая по справедливости почитается Французскою Индіею, то и не подвергая свою жизнь опасности, можешъ ты пріобрѣсть золота, возвратиться въ Марселію и препитать

бѣдную мою семью. Прости, любезный сынъ, и помни, что отецъ твой изъ Сѣверной части свѣта, посредствомъ твоимъ, ожидаетъ теплаго вѣтра, что бы продолжить свою жизнь. Желаю тебѣ всякаго благополучія. Прости. Я семь отецъ твой, и проч.

P. S. Дядю твоего, Гильйома, портнаго, третьяго дни ударилъ параличъ: разсуди самъ о моей печали: болѣзнь его отняла у него ремесло, а у меня послѣднее пропитаніе.

Примѣч. По справкѣ съ достовѣрными историками здѣшнихъ трактировъ, сей пріѣзжій Французъ, на предѣлахъ Россійской Имперіи, произвелъ самъ себя въ

Шевалье *де Мансонжъ;* а по пріѣздѣ въ Петербургъ, изъ любви къ Россіи, унизилъ знатность своего рода даже до того, что къ одному посредственному Россійскому дворянину вступилъ въ должность учителя его дѣтей, и беретъ за сіе только по пяти сотъ рублей въ годъ; да сверхъ того имѣетъ столъ, слугу и корѣту. Но какъ сей трудолюбивый Французъ имѣетъ еще много свободнаго времени: (ибо дѣти сего дворянина одинъ пяти, а другой шести лѣтъ:) то и сіе свободное время употребляетъ онъ къ пользѣ Россіянъ; а именно, простой рульной тертой табакъ, передѣлываетъ въ *розовой*, и продаетъ по пяти и по десяти рублей фунтъ.

ЛИСТЪ ДЕВЯТЫЙ.

Ода Россіи, на одержанныя ею въ 1770 годѣ побѣды: на совершенное истребленіе Турецкаго флота, на разбитіе Татарскаго Хана и Пашей, а потомъ и самаго Верховнаго Визиря, и на взятье Бендеръ и прочіихъ городовъ: сочиненная А. Б.

Къ Отечеству.

Я первый плодъ трудовъ Россіи посвящаю:
Отечество! пріими сей недостойный даръ;
Хотя искуства нѣтъ, я ревностью пылаю,
И славити тебя во мнѣ стремится жаръ.

ОДА РОССІИ.

Въ началѣ самомъ духъ хладѣетъ:
Рука пера не можетъ взять;
Умъ къ дѣлу приступить не смѣетъ,

Хоть нѣтъ мнѣ нужды вымышлять,
Хоть полнъ преславныхъ дѣйствъ изрядствомъ,
Но что-то есть ему препятствомъ!
Я вижу что ево страшитъ:
Достойно пѣть онъ не умѣетъ —
Но чтожъ! Къ чему онъ такъ робѣетъ?
Искуство ревность замѣнитъ!

. · .

Воспой о Муса тороплива,
Воспой великія дѣла,
Чрезъ кои храбрость терпѣлива
Россіянъ къ торжествамъ вела,
И тьмы побѣдъ имъ даровала;
И какъ рука ихъ собирала
Повсюду лавровы вѣнцы,
Стремясь съ горячностью за славой,
Разя, какъ прежде подъ Полтавой
Разили Шведовъ ихъ отцы.

. · .

Умолкни вся теперь Вселенна,
И гласу моему внемли.

Не ложью баснь къ хвалѣ сплетенна
Летитъ промчаться по земли,
Не вымыслъ здѣсь пустой играетъ,
Здѣсь Истинна сама вѣщаетъ,
Побѣдоносный слыша звукъ;
И зря дѣла Россіи громки
Гласитъ, чтобъ вѣдали потомки,
Отъ чьихъ Стамбулъ потрясся рукъ.

∴

А ты, всѣхъ славу превышая,
Ликуй блаженная страна,
И рогъ свой къ небу возвышая,
Являй, что власть тебѣ дана
Царей земныхъ рѣшити долю:
И что въ твою поверглись волю
Побѣда съ Щастьемъ, возносись.
Петра Великаго ты нынѣ
Въ премудрой зришъ ЕКАТЕРИНѢ:
Красуйся Ею и крѣпись!

∴

Взведи свой взоръ ты восхищенный
Во всѣ Вселенныя концы,

И зря какъ мечъ твой раздраженный
Вездѣ плететъ тебѣ вѣнцы;
Какъ Слава съ громкою трубою
Вездѣ предходитъ предъ тобою,
И слухъ тебя гдѣ возвѣститъ;
Какъ твой прегордый врагъ трепещетъ,
Зубами въ злобѣ какъ скрежещетъ,
И какъ, изъязвленъ весь, дрожитъ.

∴

Коль было зрѣнью то пріятно!
Какъ Христіянскій родъ узналъ,
Что щастье къ нимъ несешъ обратно,
И что тобой спасенъ онъ сталъ;
Оковы тяжки разрывая,
И клики къ Небесамъ пуская,
Народъ несчастливый течетъ;
Луны всѣ знаки низлагаетъ
И долу съ игомъ повергаетъ:
Орла лишъ твоего онъ чтетъ.

∴

Отечество мое драгое,
Тебя Зиждитель самъ хранитъ;

Враговъ твоихъ лукавство злое
Самимъ имъ въ пагубу кипитъ.
За тя Самъ съ высоты небесной,
Блистая въ славѣ, Богъ всемѣстной,
Грозя, твоимъ противнымъ рекъ:
„Я самъ Россію защищаю:
„И коль ее я сохраняю,
„То что тутъ можетъ человѣкъ?

. . .

Открой намъ древность отдаленна
Народовъ хвальныя дѣла;
Открой и покажи Вселенна,
Котора чѣмъ Земля цвѣла.
Свѣтило небеси прекрасно,
Ты озаряя всюду ясно
Отъ вѣкъ въ теченіи твоемъ,
Въ какой сіяло ты Державѣ,
Чтобы была подобна въ славѣ
Россіи, въ щастьѣ и во всемъ?

. . .

Разверзлась книга дѣлъ прешедшихъ:
Героевъ видны имена,

Противу Трои въ брань пошедшихъ,
Земныхъ страшащихъ племена.
Страны обиду отомщая,
Губятъ противныхъ убивая;
И Марсъ рѣками кровь лѣтъ.
Но чтобъ единый городъ Трою
Повергнуть Греческой рукою,
Потребно было десять лѣтъ.

∴

Являя мужество Иройско
Великій Александръ, пошелъ,
Разбилъ несчетно Персовъ войско,
И ихъ страною овладѣлъ:
Тѣмъ смертныхъ устрашилъ породы.
По томъ, соедина народы,
Монархію установилъ:
И Греціи давалъ уставы;
Но чтобъ достигнуть оной славы,
Двенатцать лѣтъ употребилъ.

∴

А тамъ въ кровавомъ видимъ спорѣ
Страшащій именемъ своимъ,

Ужасный на земли и въ морѣ,
Надменный гордостію Римъ.
Судьба, не зная что препоны,
На вѣкъ повергла градъ Дидоны.
Но чтобъ разрушить Карѳагенъ,
И покорить чтобъ Римской власти,
Страну полдневной свѣта части,
Тамъ съ лишкомъ вѣкъ употребленъ.

. . .

Еще не слыхано на свѣтѣ,
Чтобъ снялъ другой какой народъ,
Такой въ единомъ токмо лѣтѣ,
Какъ мы, съ трудовъ военныхъ плодъ.
Какъ Древность насъ ни удивляетъ,
Но дѣлъ подобныхъ не являетъ.
Россія, ты цвѣтешь какъ кринъ!
Гдѣ многіе потребны годы,
Чтобы прославить смертныхъ роды,
Тебѣ доволенъ тутъ единъ!

. . .

Но кое вдругъ видѣнье красно,
Въ восторгѣ мя къ себѣ влечетъ!

Мой духъ забывши тѣло страстно,
Къ престолу Вышняго течетъ,
И зритъ всемощную Десницу,
Луну сотворшу и денницу;
И тамъ Судьба ей предстоитъ;
А Вѣчность съ книгою своею
Стоитъ со страхомъ передъ нею;
Открой: она ей говоритъ.

. . .

Хочу я въ книгѣ сей на вѣки
Законъ мой смертнымъ начертать,
И неисчислимо, какъ рѣки,
Россіи счастье предписать.
Петра Великаго въ ней Племя
Да утвердится въ вѣчно время:
Побѣду я вручаю ей
Науки въ ней да водворятся:
Земныхъ колѣна преклоняся
Да съ трепетомъ падутъ предъ ней.

. . .

Любовь моя къ ней безконечна:
Великій Петръ то заслужилъ.

Въ ней Правда воцарится вѣчна:
Сіе Отецъ мой положилъ.
Покой и миръ да будутъ съ нею,
И зависть попрется ею:
Коварство передъ ней падетъ.
Я ей подобну райску крину
Въ залогъ дала ЕКАТЕРИНУ:
Она отъ золъ ее спасетъ.

⁂

И написавъ то, что хотѣла,
Тутъ Божьимъ именемъ она,
Слова тѣ съ клятвой печатлѣла,
Дабы ихъ чтили времена;
И сбытіемъ бы подтверждали,
Ея Персты что начертали,
И что Всевышній положилъ.
Пространство скрылося широко:
Не видитъ больше бренно око,
Чѣмъ духъ веселье ощутилъ.

⁂

Къ тебѣ я паки обращаюсь
Благословенная страна,

И сердцемъ вѣрнымъ восхищаюсь,
Зря въ радости, что ты одна
Могла то учинить на свѣтѣ,
Чего не дѣлалъ Римъ во цвѣтѣ;
И что твоя велика власть
Провозгласитъ грядущу роду,
И будущу по насъ народу,
Благополучну нашу часть.

. . .

Морска пучина устрашилась,
Твоихъ бѣгъ видя кораблей;
И сила какъ твоя сразилась,
То самъ служилъ тебѣ Борей:
Пожаромъ воздухъ весь стѣсняя,
И пламень въ небеса бросая,
Спѣшилъ враговъ твоихъ всѣхъ стерть.
Земля и бездна трепетала,
Когда рука твоя метала,
Въ противный флотъ ужасну смерть.

. . .

Тамъ солнца видъ во мглѣ дымъ кроетъ,
Въ нощь страшну премѣняя день:

Тамъ огнь въ валахъ и пѣнѣ роетъ,
Гоня густую свѣтомъ тѣнь.
Орудій челюсти рыгая,
И смерть со смрадомъ извергая
Изъ жерлъ своихъ на сопостатъ,
Какъ адскій зѣвъ, ихъ устрашаютъ.
Враги оцепенѣвъ не знаютъ
Что гонитъ ихъ до смертныхъ вратъ.

* *
*

,,Что се за громы ударяя
,,Съ такою силой, бьютъ въ Еѳиръ?
,,Иль страшны молніи блистая
,,Стремятся разрушити міръ?
,,Знать вся Вселенна погибаетъ?
Срацинъ въ отчаяньи вѣщаетъ:
,,Сокроемся подъ бездну водъ! —
Нѣтъ, нѣтъ, не свѣтъ то кончитъ вѣки;
Не богъ разитъ, но человѣки. —
Се твой, Орловъ, сжигаетъ флотъ!

* *
*

Нептунъ грозя ко всѣмъ вѣщаетъ:
,,Скажите мнѣ, кто смертный сей,

,,Что мой покой мутить дерзаетъ?
Но зря, что то былъ Алексей,
Сказалъ: Теперь я вижу ясно,
,,Что я стараюся напрасно
,,Власть прежню въ морѣ удержать;
,,Когда Россійскій флагъ здѣсь вѣетъ,
,,И Повелителемъ имѣетъ
,,Того, кто знаетъ побѣждать.

⁖

Молдавскія высоки горы,
Что мыслили, какъ зрѣли вы,
Что не смотря на все отпоры,
Ни на глубоки страшны рвы,
Россіяне на васъ взлетали,
И съ васъ враговъ стремглавъ метали;
Какъ бѣгли съ васъ Паши и Ханъ
Себя самихъ не познавая,
Лишь жизнь единую спасая,
Оставя намъ обозъ и станъ.

∴

А тамъ поднявшись въ буйствѣ яромъ
Надутый гордостію врагъ,

Спѣшитъ, единымъ чтобъ ударомъ
Разсыпать Россовъ всѣхъ какъ прахъ.
,,Съ несчетной силою моею,
,,Сiюль я горсть не одолѣю,
Сказалъ Визирь, и не попру?
Сердца Россiянъ закипѣли:
Сотрѣть гордыню полетѣли:
Сраженье началось въ жару!

. . .

Какъ вихрь сгущенный многимъ прахомъ,
Взвиваетъ въ воздухъ облака;
Или какъ быстрая размахомъ
Съ горы текущая рѣка,
Все то что ей ни попадаетъ
Влечетъ съ собой и попираетъ:
Подобно Россы такъ творятъ.
Не зная слабости, ни страха,
Разятъ противниковъ съ размаха,
И ломятъ все то что ни зрятъ.

. . .

Лѣса отъ ужаса мятутся,
Стонаетъ воздухъ и реветъ:

Вокругъ кровавы рѣки льются:
Трепещетъ твердыхъ горъ хребетъ.
Визирь зря гибель утекаетъ,
И отъ руки, что громъ бросаетъ,
Бѣжитъ: Но та гоняетъ въ слѣдъ.
Не сила тамо превосходна,
Но токмо храбрость благородна
Даетъ Проямъ плодъ побѣдъ.

. . .

Смотря Стамбуль на Халильбея,
Отъ насъ ушедша за Дунай,
Смотри, какъ онъ, робѣя,
На нашъ воззрѣть не смѣетъ край!
Внемли, и взоръ простря ко брегу,
Свидѣтелю поносну бѣгу,
Гляди на свой ты срамъ и студъ:
Взирай на члены раздробленны,
Смотри какъ Россы отягченны
Корыстію, твой плѣнъ ведутъ!

. . .

Дунай, своихъ зря бѣгъ, стыдился,
И течь тамъ больше не хотѣлъ:

Луны видъ срамотой покрылся,
И весь противничій предѣлъ.
А ты Кагулъ теперь гордяся,
И спѣшно въ радости ліяся,
Вѣщай побѣду, что ты зрѣлъ;
Вѣщай, что ею ты сталъ славенъ,
Что ею Индъ съ тобой не равенъ,
Хоть тамъ и Александръ гремѣлъ.

⁂

Крутись долины пробѣгая,
Будь безпредѣленъ въ широтѣ;
Стремись, сердца горъ прорывая,
И въ несравненной быстротѣ
Открой пути къ теченью новы;
Срывай холмы, топи дубровы,
Ломи, и все съ собой неси:
И умножая вѣчно воды,
Промчись въ незнаемы Народы,
И Россіи тамъ дѣла гласи!

⁂

А ты ко славѣ въ свѣтъ рожденный
Великій Сѣвера Ирой,

Какъ могъ полки ты утѣсненны
Сдержать? сказавъ: (*) Ребята, стой!
И тѣмъ ихъ къ долгу обращая,
Какъ веселился ты считая
Себѣ всѣхъ болѣе наградъ,
Какъ воины къ тебѣ взывали,
И словомъ симъ хвалу давали:
(**) Румянцовъ! ты прямой Солдатъ!

. . .

Но что отъ сель мя отвлекаетъ?
Какой я новый слышу гласъ?
Еще побѣду все вѣщаетъ,

(*) Журналъ военныхъ дѣйствій 1770 года, мѣсяцъ Іюнь. Предводитель нашихъ войскъ, Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, во время славнаго сраженія бывшаго Іюля 21,1770 года, нѣкоторые наши полки приведенные въ замѣшательство и обращенные въ бѣгство, удержалъ и остановилъ однимъ симъ словомъ: Ребята, стой!

(**) Тамъ же: Въ день сегожъ сраженія, солдаты видѣвъ отличное мужество и неустрашимыя дѣла своего Предводителя, поздравляли его симъ словомъ: Ты прямой Солдатъ.

И все падетъ отъ Россовъ въ часъ.
Но нѣтъ! Я силы все теряю,
И какъ себя ни принуждаю,
Нельзя исчислить всѣхъ побѣдъ.
Однако что еще, пылая,
И страшно въ ярости стѣная,
Въ дыму и въ пламѣ тамъ падетъ?

* * *

Се славны въ крѣпости Бендеры:
Осады нестерпя вреда.
Противники Христовой Вѣры
Сего не мнили ни когда;
И невозможнымъ то считали,
Чтобъ Россы ими овладали,
Бывъ снабдѣны къ защитѣ такъ;
И бывши въ силѣ превосходной,
Смѣясь отвагѣ благородной,
Ругался тамъ осадѣ всякъ.

* * *

Но какъ ты выю горделиву
Сломилъ скажи, о Панинъ, намъ!
Довольствуй мысль нетерпеливу,

И умственнымъ дай зрѣть очамъ;
Какъ вы противныхъ раздирали,
И какъ съ побѣдой въ градъ вступали:
Скажи, какъ родъ смирилъ ты злой,
И какъ на мѣсто пышна града,
Развалинъ страшныхъ лишъ громада
Твоей осталася рукой?

. .
.

А вы преславные Ирои,
Страны сей крѣпкая стѣна,
Россійскіе прехрабры вои!
Прославить тщася имена,
И для Отечества любови,
Своей вы не щадите крови;
Ко одержанью вамъ побѣдъ,
И для снисканья вѣчной славы,
Не нужны строгіе уставы,
Васъ честь и долгъ вездѣ ведетъ!

. .
.

Но кто тамъ въ облакахъ блистаетъ!
И чей я зрю пресвѣтлый зракъ?
Се Петръ Великій къ намъ сіяетъ:

Се онъ прогнавъ тумановъ мракъ:
,,Такой тебя возвыся славой,
,,Самъ правитъ Богъ твоей Державой;
,,Гласитъ ко Внукѣ онъ своей:
,,Господь Тебя, къ моей утѣхѣ,
,,Далъ зрѣть всѣхъ дѣлъ моихъ въ успѣхѣ
,,Россія, чти меня ты въ ней!

⁂

,,Она твоей храмъ зиждетъ славы
,,На твердыхъ вѣчности столпахъ;
,,При Ней цвѣтутъ мои уставы,
,,Она подобна мнѣ въ дѣлахъ:
,,Щедротой духъ Ея блистаетъ;
,,Она всѣхъ смертныхъ превышаетъ
,,Въ совѣтѣ мудростью Своей:
,,Великія Ея заслуги,
,,Безсмертія взнесясь въ округи,
,,Со мной, готовятъ славу Ей.

⁂

Что въ радостну тебѣ судьбину
Всевышній далъ отъ золъ въ покровъ
Великую ЕКАТЕРИНУ,

И сихъ достойнѣйшихъ сыновъ,
Россія духомъ возыграйся,
И щастьемъ съ плескомъ возвышайся!
Промчися слава по странамъ,
Греми во все концы вселенной,
Что Богъ рукою неизмѣнной
Россійскій Родъ возвысилъ самъ!

КОНЕЦЪ КОШЕЛЬКА